

ИНТЕРВЬЮ С Л. Я. ГИБИАНСКИМ. 17 СЕНТЯБРЯ 2020 Г. МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР*

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни рассказывает Леонид Янович Гибианский, старейший сотрудник Института славяноведения РАН (р. 1936). Леонид Янович окончил в 1960 г. исторический факультет МГУ по кафедре истории южных и западных славян, в Институте славяноведения работает с 1966 г., учился в аспирантуре Института. Он является крупным специалистом по истории Югославии и проблемам международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в Новейшее время. Основными направлениями его исследовательской работы стали история Югославии во время и после Второй мировой войны, история образования коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе, организации Совета экономической взаимопомощи, изучение международных отношений и политики великих держав в регионе в 1940–1950-е гг. Леонид Янович стал одним из первых российских историков, начавших разрабатывать проблематику формирования советского блока, истории Коминформа и конфликта между Сталиным и Тито на основе архивных материалов, ставших доступными для исследователей с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Л. Я. Гибианский является автором нескольких сотен научных трудов, опубликованных во многих странах мира, и организатором и участником ряда международных проектов и конференций по изучению истории холодной войны. Леонид Янович рассказал о своем детстве, учебе на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, работе в Институте славяноведения и своем участии в международных исследовательских проектах.

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, история Югославии, история международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, холодная война, конфликт Сталин – Тито, Коминформ, историография

Статья поступила в редакцию 22 марта 2021 г.

Цитирование: *Гибианский Л. Я.* Интервью. 17 сентября 2020 г. Москва, Тверской бульвар // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 187–242. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.10>

* Запись, расшифровка беседы и комментарии: Александр Сергеевич Стыкалин и Борис Сергеевич Новосельцев (Институт славяноведения РАН).

INTERVIEW WITH LEONID IA. GIBIANSKI. 17 SEPTEMBER 2020. MOSCOW, TVERSKOY BOULEVARD

Abstract

At the request of the editorial board of the journal *Slavic World* in the Third Millennium, the eldest researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leonid Ianovich Gibianskii (born 1936), recounts his life. Leonid Ianovich graduated from the Department of Southern and Western Slavs of the History Faculty of Moscow State University in 1960 and began working at the Institute in 1966, when he commenced a graduate course there. He is the prominent specialist in the history of Yugoslavia and in the problems of international relations in contemporary Central and South-Eastern Europe. The principal lines of his investigations included the history of Yugoslavia during and after World War II, the history of the formation of communist regimes in Central and South-Eastern Europe, the organization of the Council for Mutual Economic Assistance, and the study of foreign relations and the politics of the great powers in the region in the 1940s and 50s. Leonid Ianovich was one of the first Russian historians to elaborate the problem of the formation of the Soviet bloc, the history of the Cominform, and the conflict between Stalin and Tito using archive materials which became accessible to researchers from the end of 1980s. Gibianskii is the author of several hundred academic works, which have been published in many countries all over the world, as well as the organiser of and a participant in a number of international projects and conferences on the Cold War. Leonid Ianovich describes his childhood, his studies at the Department of Southern and Western Slavs of the History Faculty of Moscow State University, and his work at the Institute of Slavic Studies.

Keywords

Institute of Slavic Studies of RAS, history of Yugoslavia, history of international relations in Southern and South-Eastern Europe, Cold war, Stalin – Tito conflict, Cominform, historiography

Received 22 March 2021

How to cite: Gibianskii, L.Ia., 2021. Interv'iu. 17 oktiabria 2020 g. Moskva, Tverskoi bul'var [Interview 17 September 2020. Moscow, Tverskoy Boulevard]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 187–242. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.10>

А.С. Стыкалин: *Давайте с начала. Вы родились в августе 1936 г. в арбатских переулках.*

Л.Я. Гибианский: Да, 12 августа в Большом Афанасьевском переулке.

А.С.: *Каковы ваши корни? Откуда родители?*

Л.Г.: Отец родился в 1891 г. в Варшаве, а мама – в 1895 г. во Пскове. Их родители с обеих сторон происходили из семей еврейской

этноконфессиональной интеллигенции. Своих бабушек и дедушек я в глаза не видал. Их не было в живых уже тогда, когда родился мой брат, на 12 лет старше меня.

Отец и мама оба окончили русские классические гимназии: он в Варшаве – казенную, то есть государственную мужскую, а она в Пскове – частную женскую, так называемую Агаповскую, по фамилии возглавлявшего ее известного в тогдашней России педагога Марии Ивановны Агаповой, о которой мама всю жизнь вспоминала с восхищением.

После гимназического мои родители получили и высшее образование. Отец окончил медицинский факультет университета, но в Германии, ибо в Российской империи ему это было сделать сложно ввиду действовавшей в то время ограничительной конфессионально-этнической процентной нормы поступления в университеты. Учебу в Германии оплачивал его отец, к тому времени живший в Лондоне, отдельно от оставшейся в Варшаве семьи, которую он, однако, содержал. А мама окончила юридический факультет Высших женских курсов в Петербурге / Петрограде, известных как Бестужевские, это было единственное тогда в России женское учебное заведение университетского типа.

Леонид Янович Гибианский на презентации книги Арнольда Зуппана. Институт славяноведения РАН, 16 июня 2015 г. *Фотография О. В. Хавановой*

А.С.: *И они потом работали по приобретенным специальностям?*

Л.Г.: Мама – нет. Полученные ею профессиональные знания она в наступившую советскую эпоху применить фактически не могла. А выйдя замуж, стала прежде всего заниматься домом и детьми. Она была очень образованной, с широким культурным кругозором и оказала в этом смысле большое влияние на детей, в частности и на мое знакомство с литературой, искусством, на формирование взгляда на мир.

Отец же всю жизнь работал врачом. А начал свою профессиональную деятельность как военный врач в Первую мировую войну. Начало войны застало его в Лондоне, куда он, окончив университет летом 1914 г., приехал показать своему родителю полученный диплом. Чтобы попасть домой в Варшаву, ему пришлось отправиться морем до Швеции, откуда он перешел через российскую границу в Финляндию, являвшуюся тогда частью Российской империи. Он должен был подтвердить немецкий диплом в одном из российских университетов. Для чего направлен в Юрьевский, бывший Дерптский, университет, где преподавание велось на немецком языке (Дерпт, ныне Тарту, к тому времени вновь именовался старым русским названием – Юрьев). В 1915 г. отец успешно сдал там заново экзамены за всю учебную программу медицинского факультета и получил российский диплом. Поскольку с этого момента он, как человек с официально подтвержденным высшим образованием, перестал подпадать под конфессионально-национальные ограничения, его тут же мобилизовали, присвоили ему офицерский чин и отправили военврачом на Балтийский флот. Он служил на военно-морских базах сначала в Либаве (Лиепая), затем в Гельсингфорсе (Хельсинки), откуда в 1917 г. переведен в Кронштадт.

А.С.: *Интересная история! И потом обосновался в Москве...*

Л.Г.: Они с мамой познакомились еще во время войны, в поезде, когда отец ехал из Либавы куда-то в командировку, а мама со своей сестрой – в какой-то санаторий в Прибалтике. И после этого мои будущие родители снова увиделись уже после Февральской революции совершенно случайно, на каком-то митинге в Петрограде. Стали встречаться. В 1918 г. его с флота перевели в Центрпленбеж, советское ведомство по делам пленных и беженцев. Оно функционировало с апреля 1918 г. в составе наркомата по военным делам, а с мая 1919 г. – в составе НКВД, и эта служба приравнивалась к военной. В начале 1920 г. мои родители поженились, и была удовлетворена просьба отца о демобилизации. После нее они переехали в Москву, где он стал работать врачом уже на гражданской службе.

Б. С. Новосельцев: *В Гражданскую войну он в действующей армии не находился?*

Л. Г.: Нет.

Б. Н.: *Но его политические убеждения... Вы говорите, он ходил на митинги?*

Л. Г.: Все ходили на митинги. Это ничего не значило. Все на разные митинги ходили, слушали ораторов разной политической ориентации. Но большинство интеллигенции, естественно, приветствовало Февральскую революцию...

Б. Н.: *А Октябрьскую?*

Л. Г.: Октябрьскую... Я не очень хорошо себе представляю, как ее восприняли мои будущие родители. Но, как я понял, они, подобно значительной части молодой интеллигенции из разночинцев, если не были вдохновлены, то, во всяком случае, у них вызывали удовлетворение лозунги социального равенства. Это было им близко всю жизнь. К тому времени, когда я что-то стал соображать, родители, конечно, уже не были поклонниками советской власти. Тем более после всех репрессий, насильственной коллективизации, а особенно инсценированных судебных процессов 1930-х гг. Им уже всё стало ясно. В том числе и по личным причинам. Так, немало их родственников, прежде всего по отцовской, но и по маминной линиям, оказались за границей, и сначала с ними поддерживались связи, а потом, по мере ужесточения советского режима, все связи прервались. Когда началось гитлеровское нападение на Польшу, оттуда бежали в СССР племянник отца, то есть мой двоюродный брат, Янек с женой Ирэной, которым сначала дали жилье и работу в Москве, но через некоторое время арестовали, якобы за шпионаж. Янек в итоге погиб, а Ирэну, беременную, сослали в район Караганды, и родившийся там младенец умер. Наконец, уже после войны, в 1948 г., моего брата Мишу, студента Московской консерватории, высказавшего там на собрании некоторые критические замечания по поводу тогдашней кампании «против формализма в музыке», тут же, несмотря на признанную высокую оценку его успехов как музыканта, исключили из консерватории за несколько месяцев до ее окончания, фактически сломав всю его дальнейшую жизнь.

А. С.: *Начало Отечественной войны помните?*

Л. Г.: У меня нет каких-то систематических воспоминаний о довоенном времени, помню лишь отдельные картинки, детские впечатления: солнце светит в окна квартиры, я сижу с мамой на диване, гуляю по Гоголевскому бульвару с няней Елизаветой, которая прожила у нас почти всю жизнь и стала просто членом семьи. Но с 22 июня 1941 г.

я помню по дням, что происходило. Это было воскресенье, выходной. Передали по радио: в 12 часов дня будет важное правительственное сообщение. Тогда в Москве у очень многих дома висел на стене такой круглый черный репродуктор проводного радио. В обиходе назывался «радиоточка». И все члены семьи вместе с пришедшим к нам знакомым столпились вокруг нее. Я, естественно, ничего не понимал. Затем некий дядя стал что-то по радио говорить, от первых его слов мама закрыла лицо руками, все были страшно взволнованы, встревожены. Вот так для меня началась война. Потом – впечатления в основном от, как их называли, «воздушных тревог» или «налетов», когда мы бегали в бомбоубежища.

А.С.: *Театр Вахтангова был разрушен.*

Л.Г.: Вблизи нас были и другие разрушения: большой дом на углу Арбатской площади и тогдашней улицы Коминтерна, часть дома в Мерзляковском переулке... От воздушных тревог особенно страшно было не столько днем, сколько по ночам, в ожидании, будет ли опять очередная бомбежка.

А.С.: *А эти панические настроения середины октября 1941 г.?*

Л.Г.: Мамы, меня и брата тогда уже не было в Москве. Мы уехали в конце августа в эвакуацию. Отец, занятый на службе, остался в Москве. Мы втроем эвакуировались в поселок Инза, тогда это была Куйбышевская область. Один отцовский знакомый, чьи родители жили там, сказал, что мы можем у них пожить. Мы пробыли в Инзе несколько месяцев, правда, осенью, когда их сын сам туда приехал со своей семьей, нам пришлось снять жилье в другом доме на той же улице. А потом отец уехал из Москвы вместе со своей старшей сестрой, и они оказались в Сызрани (тоже Куйбышевская область). Оттуда он прислал письмо с адресом, чтобы мы переехали к нему. Ехать по железной дороге было невозможно, ибо билеты не продавались, а никакого так называемого литера, необходимого для поездки, у нас не было. Но выручил директор местного леспромхоза, с чудесной семьей которого мама и брат случайно познакомились: в этой семье было фортепьяно для дочери, учившейся музыке, и моему брату, окончившему весной 1941 г. музыкальное училище и принятому в июне в Московскую консерваторию, любезно предоставили возможность приходить туда и играть. Этот директор предложил маме воспользоваться грузовиком, который он отправлял в Сызрань. Таким манером мы и добрались к отцу.

Прожив некоторое время в Сызрани, все вместе поехали в Таджикистан, в тыловой госпиталь, куда отцу дали направление. Это было единственным светлым эпизодом в нашей эвакуации. Госпиталь находился

в селении, если правильно помню название, Костакоз (Ленинабадской области), и местные жили так, как если бы не было войны. Там было, по нашим тогдашним понятиям, много еды. Большими детскими впечатлениями были проходившие мимо караваны верблюдов; затем – видневшиеся вокруг горы, до этого я не видел гор; и, конечно, стрельба из винтовки: иногда охранник госпиталя ходил со мной за пределы селения и там, на пустом пространстве, «мы стреляли»: он держал винтовку, а я нажимал на спусковой крючок. Госпиталь в итоге уехал к фронту. Отец был уже в непризывном возрасте и получил направление в Ташкент. Мы ехали туда больше месяца, чуть не померли с голода. Нас высадили из поезда на маленькой станции то ли в Казахстане, то ли в Узбекистане, ибо на дальнейшую дорогу не оказалось у отца какой-то бумажки. Денег не было, купить было ничего нельзя: там всё было по карточкам. Ели похлебку, которую мама варила из травы, лебеды. Очень помог случай, когда отец, прицепившись к остановившемуся поезду, доехал до ближайшей большой станции, чтобы обменять что-то из нашей одежды на продукты. Услышав польскую речь из стоявшего эшелона, как оказалось, увозившего из СССР военнослужущих армии Андерса¹, он подошел, разговорился с ними по-польски, и они накидали ему чуть ли не мешок съестного. Это мама растягивала потом на много дней. В итоге отцу выдали нужную бумажку, и мы оказались в Ташкенте. Там он работал в медсанчасти авиазавода, мы жили то в одном, то в другом из заводских общежитий. Из Ташкента вернулись в Москву к концу 1943 г. Новый 1944 год уже встречали дома. Для меня это было диво: я не узнавал квартиру. Всё было заново.

А. С.: *Май 1945 г. как-то запомнился?*

Л. Г.: Еще как! Но дело в том, что я был не в Москве в это время. Еще в Ташкенте я заболел, обнаружился тяжелейший туберкулез. Докторша в городском тубдиспансере положила меня в тамошний стационар. Причем, поскольку я был маленький, то вместе с теткой, сестрой отца. Здание диспансера окружал довольно большой сад с виноградником, и мы с теткой жили прямо в саду, под сводами виноградника – он частично защищал от дождя, и было совершенно тепло. Так провели месяца три. Доктор меня привела в приличное состояние без всяких лекарств, если не считать аскорбиновой кислоты да еще рыбьего жира. И, конечно,

¹ Вооруженные формирования Польской республики под командованием генерала В. Андерса. Созданы в 1941 г. на территории СССР по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании. Весной – летом 1942 г. выведены из СССР в Иран, после переформирования вошли в состав британской армии, в 1944 г. принимали активное участие в боевых действиях на итальянском фронте (прорыв в районе Монте-Кассино и т. д.).

круглосуточного пребывания на воздухе вместе с определенным режимом питания, сна, активности. Но позже, уже в Москве, возникли рецидивы болезни, и весной 1944 г. меня отправили в Центральный туберкулезный институт на станции Яуза, где я провел почти полтора года. Там я и встретил 9 мая 1945 г. У нас в детском отделении, находившемся в старой усадьбе английского типа, окруженной лесопарком, было шумное веселье и детей, и персонала. Вот это я помню.

А в конце августа 1945 г. меня привезли домой. И я пошел в первый класс. С опозданием: в тот год ввели обучение с семи лет, а мне уже было девять.

А.С.: *Какая это была школа?*

Л.Г.: 59-я школа, в Староконюшенном переулке (бывшая гимназия Медведниковых, существовавшая с начала XX в.), с 1952 г. стала имени Гоголя. Была тогда на очень хорошем счету. Что касается моих впечатлений, то помимо, конечно, прекрасного здания для меня это была школа как школа. Я ведь не знал, как было в других школах...

А.С.: *Учителя, одноклассники?*

Л.Г.: Учителя были разными. Однако еще школьником и становясь старше, я стал осознавать, что профессиональный и общекультурный уровень большинства из них достаточно, а в ряде случаев и чрезвычайно высок. Что же касается одноклассников, это было тогдашнее общество в разрезе: мешанина детей из разной среды – от интеллигенции арбатских переулков до тех, кто в период коллективизации бежал из деревни в Москву.

Б.Н.: *И тоже много кто из них жил на Арбате: их подсаляли в коммунальные квартиры, жили в подвалах, на чердаках.*

Л.Г.: При пестроте социального происхождения, культурного уровня и просто моральных устоев поведения, присущих разным семьям, чьи дети учились в нашей мужской школе, среди учеников оказывались и те, которым даже на уроке, при учителе, трудно было говорить, воздерживаясь от употребления известных слов.

Б.Н.: *Знаменитая послевоенная шпана.*

Л.Г.: Школу не только окружали кварталы с арбатской шпаной. Вблизи были и переулки с множеством таких ребят, примыкавшие к Кропоткинской (Пречистенка) и особенно к Метростроевской (Остоженка) улицам. И, например, Сережа Аверинцев², который жил в районе

² Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) – филолог, историк философии и культуры, переводчик. Академик РАН (2003). Мировую известность получили его работы по истории античной и византийской литературы, философии, культуры.

Метростроевской, в Бутиковском переулке, пришел к нам в пятый класс потому, что в школе, в которой он там учился, шпана просто физически угрожала ему, очень слабому и болезненному мальчику. Малолетнее хулиганье особенно злилось, когда Сережа говорил что-то им непонятное: о Гомере и тому подобном. Его родителям пришлось добиваться, чтобы сына перевели в школу, где ситуация была более приличной. Он и в нашей школе, в частности у нас в классе, куда был определен, резко выделялся, но почувствовал себя довольно комфортно, потому что преобладающая часть класса вполне нормально его приняла. И какие-либо выпады против него не допускались. Да и наиболее шпанистые ребята из класса постепенно, по разным причинам, покидали школу (к седьмому и особенно к восьмому классу их не осталось).

Б. Н.: *Аверинцев – филолог, вы – историк. Значит ли это, что в вашей школе были сильные учителя именно гуманитарных дисциплин? На них делался акцент?*

Л. Г.: Такого акцента не было. Были очень хорошие учителя по предметам и гуманитарным, и естественнонаучным. Например, некоторые преподаватели математики и физики пользовались общемосковской известностью. Мне трудно оценить, какую роль сыграли учителя в моем выборе профессии. Во всяком случае, основной фактор формирования моих интересов был все-таки дома – родители и старший брат, а также круг чтения, который складывался в огромной мере тоже под их влиянием. А у Аверинцева это было еще более выражено: ведь он очень болел и потому в гораздо большей мере воспитывался дома. Я знал его в домашней обстановке, с родителями, поскольку мы дружили и ходили друг к другу.

Б. Н.: *На ваше обучение в школе пришлись последние годы Сталина...*

А. С.: *«Дело врачей» начала 1953 г. ...*

Л. Г.: Да, многих наших знакомых, особенно из коллег отца, арестовали в связи с «делом врачей». Каждый день мы узнавали о новых арестованных. После смерти Сталина их освободили, но кто-то и погиб в заключении. Какая во время этого «дела» была общая атмосфера, можно судить по случаю с моим отцом. Однажды он, будучи на работе, получил указание явиться следующим утром в Мосгорздрав. О причине вызова не сообщалось, был назван лишь номер комнаты, куда нужно прибыть. И отец, и мама, когда он ей, придя с работы, об этом сказал, подумали, что его там арестуют. Тем более что подобное проведение арестов бывало. Они не спали всю ночь и тайком от остальных домочадцев собирали для отца пакет с вещами. Что им пришлось при этом пережить! И только

придя наутро в горздрав, отец узнал, что его вызвали для консультации по какому-то медицинскому случаю.

Ну а сама повседневность была тогда сильно окрашена подъемом антисемитизма. Не только в официальной пропаганде, но часто и в разговорах вокруг – на улице, в магазине, в транспорте. И даже в школе.

Пожалуй, я впервые столкнулся с антисемитизмом в Инзе. На рынке некоторые местные жители, случалось, нам кричали про евреев, вернее, они называли иное слово, употребляемое как оскорбительное. Я тогда не понимал, что значит это слово, да и вообще не знал, кто такие евреи. До того у нас дома, в Москве, я об этом не слышал. Вообще ничего не знал о национальности. Отец и мама, кончив классические русские гимназии, были сильно ассимилированными. Их родным языком стал русский, абсолютно правильный литературный, которому их там научили. Ни дома, ни вне дома они никогда не говорили на идиш, который был родным языком в семьях их родителей. Да и вся духовная и бытовая культура, которая стала присуща отцу и маме, не отличалась от той, что была свойственна кругу их друзей и знакомых из русской интеллигенции. С моими родителями фактически происходила своего рода смена этнической принадлежности, хотя сами они этого не осознавали.

Б.Н.: *Именно благодаря школе.*

Л.Г.: Думаю, да. Школа, просвещение играют невероятно важную роль в ассимиляции. Возвращаясь же к услышанному мной в 1941 г. в Инзе, помню, как мама и брат на это не отвечали, а хватали меня и уходили.

Б.Н.: *Но это антисемитизм бытовой, а в конце 1940-х гг. он стал политическим.*

Л.Г.: Конечно, у этих людей в Инзе он был бытовым, но вместе с тем и политическим. Ибо смысл того, что они кричали нам, сводился примерно к одному и тому же: «Подождите, сейчас немцы придут и всех вас порешат» (я тогда не понимал такого смысла, но ряд лет спустя мне рассказывали мама и брат). Думаю, здесь были следствие, отрывка коллективизации. Эти безумные люди думали, что придут немцы, советскую власть уничтожат и просто всё вернется к доколхозным временам.

А.С.: *А потом уже? 1949 год, когда это обострилось, и затем «дело врачей».*

Л.Г.: Тут было другое, антисемитизм сознательно раздувался властью по политическим причинам, что способствовало и обострению бытового антисемитизма. Подобная конструкция происходившего была довольно многим понятна. Помню, к нам приходили знакомые, друзья

моих родителей, некоторые соседи по дому и все об этом говорили, обсуждали убийство Михозлса и всё такое прочее.

Это сказывалось и в школе. Шпана тут же активно подхватила антисемитскую кампанию. Были скандалы. Однажды это непосредственно коснулось и меня. Парень из нашего класса пристал ко мне, оскорблял, всячески угрожал. За меня вступились некоторые одноклассники. В результате было по этому поводу даже собрание родителей всех, кто учился в нашем классе.

А. С.: *Когда умер Сталин, вы учились в восьмом классе. Вы помните похороны Сталина?*

Л. Г.: Еще бы! Я тогда чудом не погиб. 6 марта, когда было объявлено о смерти Сталина и о том, что гроб с телом будет во второй половине дня выставлен в Колонном зале Дома союзов для прощания, многие ребята в школе стали после уроков обсуждать, как попасть в Колонный зал. Как я помню, это не было у нас выражением чувств или каких-то политических настроений. Просто смерть Сталина была сверхчрезвычайным событием, и у подростков, юношей возникало понятное желание самим посмотреть на то главное, что происходило. В результате некоторые решили попробовать это сделать, кто небольшими компаниями, кто в одиночку. В том числе я и двое одноклассников, от большого ума, договорились втроем туда пробиваться. Все улицы, по которым из школы и вообще района, где мы жили, можно было добраться до Дома союзов, уже были перекрыты милицией и войсками. От Арбата мы дошли по бульварам до Пушкинской площади, а дальше пройти было нельзя. И тогда, по примеру многих из образовавшейся там толпы, мы полезли по пожарной лестнице на крышу дома и дальше двинулись с крыши на крышу, то спускаясь по таким же лестницам, когда доходили до края очередного дома, то поднимаясь по ним на крышу следующего. Теперь даже не могу себе представить, как я на это решился. И так, по крышам, мы добрались до Петровских ворот. Оттуда по Петровке в коридоре, образованном с двух сторон военными машинами и плотными цепями милиции и солдат, шла уже организованная очередь тех, кто имел на это право: делегации предприятий, учреждений, организаций. В толпе пытавшихся туда прорваться мы попали в страшную толчею, сжимавшуюся со всех сторон. Многим, в том числе и мне, становилось плохо, некоторые падали и оказывались под ногами напиравшей толпы. Мне угрожало то же самое, но спасли одноклассники. Оба более высокого роста и физически сильнее развитые, они сумели удержать меня на ногах, пробиться втроем к военному грузовику и влезть в его пустой кузов,

вытянув туда и меня. Они выпрыгнули из грузовика с другой стороны, так миновав цепь милиции и военных, и смешались с колонной, шедшей по Петровке к Дому союзов (им удалось попасть в Колонный зал). А я был не в состоянии идти с ними. Заметивший меня солдат помог мне слезть тоже на Петровку и отправил в больницу, находившуюся тут же, у Петровских ворот. Там я пришел в себя и потихоньку двинулся домой.

Б.Н.: *Почему вы в итоге решили стать историком?*

Л.Г.: Вы будете сильно смеяться: повлиял пресловутый «Краткий курс истории ВКП(б)». Я его прочитал на летних каникулах между седьмым и восьмым классами. Всё было очень интересно. В том числе и глава «О диалектическом и историческом материализме», авторство которой приписывалось Сталину и которая произвела на полудетский ум большое впечатление. Это был мой первый опыт знакомства с такой литературой. И я стал читать разные книжки по марксизму-ленинизму и истории компартии. По выходным – ходить в МГУ на публичные, для всех желающих, лекции по такого рода проблематике. Посещение лекций я начал с цикла по политэкономии, вынеся из «Краткого курса», а отчасти и из изучения истории в школе, что экономическое развитие является основополагающим. В итоге всего этого я стал склоняться к мысли получить после школы высшее образование в области общественных наук. Правда, в своих планах я колебался между историей, политэкономией и отчасти даже философией. Но к окончанию школы остановил выбор все-таки на истории.

Б.Н.: *Вы готовились к поступлению как-то специально? Сейчас дети занимаются с репетиторами...*

Л.Г.: Нет, никаких репетиторов не было. Я учился в школе почти на все «отлично». При поступлении на истфак МГУ возникли, однако, сложности. Поскольку я окончил школу с серебряной медалью, мне нужно было сдавать не все вступительные экзамены, а только один письменный по литературе (сочинение на заданную тему) и пройти собеседование по истории. Результат собеседования был прекрасным. Но за сочинение я получил «хорошо», а проходным баллом для серебряных медалистов в том году оказалось лишь «отлично». И я был поставлен перед альтернативой: либо тут же приступить к сдаче всех экзаменов, положенных для немедалистов, и зависеть от результатов общего конкурса, либо по уже имеющимся у меня показателям быть зачисленным на заочное отделение. Я предпочел второе, тем более что, как я узнал, при получении на первом курсе высоких оценок бывала возможность последующего перевода на дневное отделение. Хотя моя учеба на заочном, которое

вскоре стало для москвичей вечерним, была успешной, в течение двух лет деканат истфака отказывал мне в переводе на дневное, ссылаясь на отсутствие мест. И лишь когда после окончания второго курса я обратился к ректору МГУ академику И. Г. Петровскому³, его распоряжением меня тут же перевели.

Если вернуться к вопросу о моем выборе профессии, то более конкретный выбор уже внутри исторической проблематики – специализацию на кафедре истории южных и западных славян, сделанный во время учебы на истфаке, – был продиктован тем, что мне это казалось наиболее интересным из-за тогдашних политических событий, касавшихся Восточной Европы.

Югославский случай вообще представлялся загадочным. Пока была версия о фашистском режиме Тито, всё укладывалось в определенную схему. Но когда после смерти Сталина началось то, что называлось нормализацией советско-югославских отношений, и стали появляться в наших газетах материалы с упоминанием «социалистического строительства в Югославии», это выглядело невероятно. И конечно, огромное впечатление произвело «хождение в Каноссу» руководящих советских лиц во главе с Хрущевым – их прилет на рубеже мая – июня 1955 г. в Югославию. Впрочем, не меньше впечатлил и ответный визит Тито в СССР в июне 1956 г., особенно потому, что я стал непосредственным свидетелем и, можно сказать, участником того, как он «въехал в Москву». Об этом чуть подробнее.

Было заранее объявлено о времени, когда должен прибыть поезд с Тито и возглавляемой им делегацией, и мы с несколькими друзьями, чтобы посмотреть на встречу, двинулись сильно загодя к Киевскому вокзалу. Когда мы дошли, вокзал и площадь вокруг него уже оказались оцеплены, пройти туда было нельзя. Но так как до ожидаемого события оставалось еще много времени, а народ только постепенно собирался, то нам удалось встать на ближнем к вокзалу конце Бородинского моста прямо перед расставленными там милиционерами. Когда после официальной встречи, происходившей на вокзале, колонна машин с руководящими советскими деятелями и югославскими гостями стала от вокзала въезжать на мост, стоявшая там по обе стороны от проезжей части уже большая людская масса смяла довольно жидкую цепь милиции и окружила передние автомобили. Колонна машин вынужденно остановилась. Поскольку мы стояли впереди, непосредственно перед милицейской

³ Иван Георгиевич Петровский (1901–1973) – математик, деятель высшего образования. Ректор МГУ (1951–1973). Академик АН СССР.

цепью, то были буквально вынесены толпой к самым автомобилям. Я оказался прямо у открытой машины с Хрущевым, Тито и Ворошиловым (тогда председатель Президиума Верховного совета СССР). Не мог себе и представить, что буду просто рядом с ними. Я стоял вплотную к машине, несколько нагнувшись через ее борт над головой низенького Ворошилова, и глядел во все глаза на Тито. Абсолютная необычность этой ситуации, как и всего совершенно неожиданного порыва множества собравшихся людей, были для меня очень впечатляющими. Тем более что, когда через несколько минут стараниями милиции колонна автомобилей смогла продолжить движение, оно было крайне медленным и всё время прерывалось такими же остановками, ибо и дальше толпы народа плотно окружали машины, мешая ехать. Я наблюдал это, пока кортеж продвигался через мост и затем вверх до Садового кольца. По сей день мне трудно с уверенностью сказать, чего в этой спонтанной манифестации, которая выглядела триумфом Тито, было больше: то ли острого любопытства, то ли чуть ли не восхищения массы тех, кто стремился поближе посмотреть на коммунистического лидера Югославии, выигравшего в противостоянии со Сталиным. Но сама манифестация вызывала очень сильные эмоции.

Второе [событие] в Восточной Европе, что серьезно повлияло на мое решение выбрать для специализации кафедру истории южных и западных славян, – это «польский Октябрь» 1956 г. Он произвел даже еще большее впечатление, потому что Югославия выпала из телеги «социалистического лагеря» много раньше. А в Польше, являвшейся частью «лагеря», речь шла о произошедшем только что – массовых выступлениях, на волне которых была без санкции Кремля, даже вопреки ему, произведена смена партийно-государственного руководства.

А.С.: *Потом события в Венгрии...*

Л.Г.: Нет, Венгрия – иное дело, ведь там очень быстро, уже в ноябре 1956 г., начавшаяся революция была подавлена в результате советской военной интервенции. И стало очевидно, что ничто не возможно. А в Польше еще некоторое время не было ясности относительно дальнейшей перспективы, путь нового руководства во главе с Гомулкой⁴ только начался. И решив, что пойду на кафедру славян, я колебался между Польшей и Югославией. Еще в течение года до специализации я учился

⁴ Владислав Гомулка (1905–1982) – деятель польского коммунистического движения. В 1943–1948 гг. лидер Польской рабочей партии, обвинен в «правонационалистическом уклонизме», в 1951–1954 гг. находился под арестом. Вернулся к власти на волне общественного подъема 1956 г. В 1956–1970 гг. первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

польскому языку. Мне это было удобно: в университете занимался с преподавателем, а дома мог разговаривать с отцом.

Б. Н.: *Забыли спросить вас про 1948 год, ведь советско-югославский конфликт вы застали в уже сознательном возрасте. Какие-то ваши впечатления, воспоминания...*

Л. Г.: В более чем сознательном, потому что в тех семьях, к кругу которых принадлежала наша семья, степень политизации детей была совершенно невероятной. Это, например, проявлялось в наших детских и затем подростковых играх летом на даче. Естественно, мы играли в совсем недавнюю Великую Отечественную войну, разыгрывали целые представления, скажем, о Сталинградской битве. Но темами игр были и политические события первых послевоенных лет. В югославский 1948 год мы, понятное дело, играли по тому сценарию, который предлагался нашими СМИ. И по такого же рода сценариям играли в тогдашние инсценированные судебные процессы в Восточной Европе – «дело» Райка⁵ и другие.

А. С., Б. Н.: *Ого!*

Л. Г.: Вообще тема заговоров и шпионов в наших играх занимала очень большое место. Иногда затрагивались даже такие события, как берлинский кризис 1948 г. или провозглашение КНР. Ведь мы каждый день слышали о подобного рода вещах по радио, читали в газетах. Я очень рано, как и ряд моих сверстников, перестал читать «Пионерскую правду» и перешел на «Правду». Да и все эти события обсуждались в наших семьях.

А. С.: *И значит, вот мы дошли до третьего курса, когда вы должны были выбирать специализацию.*

Л. Г.: И я, как уже сказал, колебался между Польшей и Югославией.

А. С.: *В итоге сделали выбор в пользу Югославии...*

Л. Г.: Да, просто потому, что к тому времени, когда надо было выбирать, а это уже осень 1957 г., стало понятно, что «польский Октябрь» выдохся. Пришел Гомулка к власти, но кардинально ничего не меняется.

А. С.: *Вы насчет Венгрии начали говорить... Там ведь большой временной дистанции на самом деле не было. «Польский Октябрь» и сразу потом венгерский.*

Л. Г.: Да, Венгрия была главным событием... Хотя, конечно, на самом деле главным событием был XX съезд КПСС, который воспринимался,

⁵ Инсценированный судебный процесс, прошедший в сентябре 1949 г. в Будапеште, на котором были предъявлены сфальсифицированные обвинения ряду высокопоставленных венгерских коммунистов во главе с Л. Райком. Имел международный резонанс и был использован советским руководством для дальнейшей эскалации конфликта с титовской Югославией.

во всяком случае у нас дома, как возможное начало некой эволюции. Но Венгрия – не восстание, а его подавление – всё это перечеркнула. После чего стало, в общем, понятно, что вряд ли что-то может сдвинуться. Обнаружившаяся затем бесперспективность «польского Октября» это лишь подтвердила. Отсюда интерес к Югославии возрос, это усилило иллюзии, что есть некий другой социализм, настоящий. Только позднее, когда я уже всерьез занимался Югославией, понял, что это абсолютная липа, что там аналогичный режим, с некоторыми отличиями, очень частичными, а то и вообще преимущественно внешними.

А.С.: *Это скорее уже после окончания университета, когда вы стали всерьез наукой заниматься...*

Л.Г.: Да, само собой, но еще в университете это постепенно начало проясняться по мере того, как я знакомился с югославской историографией: как она описывала установление так называемой народной власти и так далее.

А.С.: *То есть разницы большой не видели. А с секретным докладом Хрущева вы знакомились в какой форме?*

Л.Г.: Так ведь проводились по всей стране партийные собрания и комсомольские, на которых о нем устно информировали, но закрытым порядком. Кроме того, о нем можно было в том или ином объеме узнать, однако лишь тоже на слух, из зарубежных «голосов» – «Би-Би-Си», «Голос Америки», некоторых других. Правда, было глушение, но его при желании обходили путем переделки приемников на диапазоны ниже 20 метров. Действовала целая индустрия умельцев, негласно предлагавших такую услугу. Некоторые западные радиостанции не глушились либо глушились не в такой мере, например «Радио Канады», которое я вообще мог слушать не по-русски, а по-украински, без глушения. Не глушилось и «Радио Белград». Текст доклада у нас не печатался вплоть до 1989 г. Но в той или иной мере представление о нем можно было как-то уточнить, вновь подумать над оценками, над какими-то его положениями, читая, например, югославские центральные газеты *Борба* (серб. «Борьба») и *Политика*, которые стали у нас продаваться.

А.С.: *И ведь когда слушали белградское радио, слышали трактовки многих событий, отличавшиеся от советских трактовок, например, венгерских событий 1956 г.*

Л.Г.: Да, и это, между прочим, усиливало иллюзии. Как вы знаете, я потом посвятил некоторые свои работы как раз тому, насколько югославское руководство сыграло в итоге довольно гнусную роль в отношении

венгерской революции⁶. Но тогда, осенью 1956 г., мне, не знавшему за- кулисья, казалось, что это руководство выступает против подавления ре- волюции.

Б. Н., А. С.: *Кто были ваши учителя, профессора, однокурсники? Что можете вспомнить? Кого-нибудь из профессоров? Что запомнилось?*

Л. Г.: Что касается преподавателей, то по прошествии стольких лет мне довольно трудно дифференцировать мои тогдашние впечатления о разных лекторах, читавших общие курсы. Хотя, конечно, среди них были и те, чьи лекции воспринимались мной в то время как более ин- тересные, и те, чьи лекции вызывали меньшую удовлетворенность. Это могло касаться содержания услышанного, а могло – лекторской ма- неры. Если говорить в общем, то помню свое почти постоянное чувство заинтересованности в отношении всего услышанного на лекциях.

Куда больше запомнились, конечно, преподаватели на кафедре славян. Да они были и намного ближе в общении, фактически повседневном. Если говорить, к кому я был крепче привязан и кто оказал на меня наи- большее влияние, то это такие крупные фигуры отечественного славя- новедения и университетского историко-славистического образования, как Сергей Александрович Никитин⁷ и Виктор Георгиевич Карасев⁸. Оба особо запомнились и лекциями, и семинарскими занятиями, и, что для меня еще важнее, просто индивидуальной работой со мной, их почти постоянным воспитанием меня как историка. Они на годы вперед стали играть очень значимую роль в моей жизни.

А. С.: *У вас сразу интерес, как я понимаю, обозначился к более позд- ней истории.*

Л. Г.: С одной стороны, да. С другой стороны, начало моего – еще студенческого – вступления на исследовательскую стезю было связа- но с историей югославянских народов в XIX в. Так решила кафедра,

⁶ См., например: *Гибянский Л. Я.* Венгерская революция 1956 г. и искушение «антиста- линского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блоко- вого гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / отв. редактор А. С. Стыкалин. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 62–91.

⁷ Сергей Александрович Никитин (1901–1979) – историк, специалист по истории зарубеж- ных славянских народов в новое время, по истории России XIX в., доктор исторических наук, профессор. В 1947–1970 гг. зав. сектором Института славяноведения (с 1968 г. Института славяноведения и балканистики) АН СССР. В 1947–1961 гг. зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

⁸ Карасев Виктор Георгиевич (1922–1991) – историк, славист, специалист по истории югославянских народов в новое время. Профессор МГУ, зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (1973–1991).

определяя для меня темы курсовых работ на третьем и четвертом курсах и затем дипломной работы.

А.С.: *Кто, кстати говоря, был вашим научным руководителем?*

Л.Г.: С научными руководителями у меня случилась любопытная история. Всё началось с курсовой работы третьего курса, которая была посвящена Свято-Андреевской скупщине 1858 г. Руководителем мне определили И.Н. Частухина, который занимался историей Болгарии, но мало чем мог помочь в тематике по истории Югославии. Как я быстро понял, он советовался по всем вопросам, касающимся моей работы, с Карасевым: какую литературу мне читать, какие источники изучать. И тогда я начал сам обращаться к Виктору Георгиевичу, который стал много заниматься мною. Так сложились мои тесные отношения с ним, превратившиеся в последующем в дружбу. А эта курсовая работа была, в сущности, написана под его руководством. И явилась основой моей первой научной публикации – статьи в вышедшем в 1960 г. сборнике научного студенческого общества истфака МГУ. Затем – и тут, я думаю, Карасев тоже сыграл свою роль – меня официально взял под свое крыло Никитин, заведовавший кафедрой. Он руководил написанием моей курсовой работы четвертого курса и затем дипломной работы. Позже, когда я уже работал в Институте славяноведения АН СССР, та и другая были использованы в первой из моих статей, помещенных в изданиях института (Ученые записки, т. 30, 1966 г.). Работа под руководством Никитина дала мне чрезвычайно много. Но и Карасев продолжал интересоваться моими делами, мы обсуждали некоторые возникавшие у меня вопросы. Фактически он в какой-то мере тоже участвовал в руководстве моей работой. К тому же он ездил в Югославию и, привозя оттуда разную литературу, давал ее мне, рассказывал о явлениях в тамошней историографии.

Б.Н.: *Вы ведь студентом не ездили в Югославию? Позже, в 1970-е гг., насколько я знаю, уже была практика ознакомительных поездок в страны изучения.*

Л.Г.: У нас ничего подобного не было. Я вам больше скажу, первый раз я, уже работая в институте, попал в Югославию в 1971 г., но не в научную командировку. Тогда в Белграде проводилась советско-американско-югославская космическая выставка, куда меня послали переводчиком.

А.С.: *И в этой связи вы овладели языком, а ваши учителя кто? Вы у Ильи Ильича Толстого⁹ учились?*

⁹ Толстой Илья Ильич (1897–1970) – филолог, внук Л.Н. Толстого. После 1917 г. в эмиграции, долгие годы прожил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев

Л.Г.: Да, я учился у него. Из преподававших на кафедре – как ее сотрудников, так и тех, кто приходил со стороны (он работал на филологическом факультете), – с Ильей Ильичем я был, наряду с Никитиным и Карасевым, особенно близок. Он не только учил меня языку, но и вводил в мир сербской литературной классики и вообще культуры, сербских традиций.

А.С.: *Тем более и страну знал, он ведь и рассказать мог что-то о Югославии.*

Л.Г.: Да, он знал ее, правда довоенную.

А.С.: *Они сразу после войны вернулись, я даже видел в архиве, в РГАСПИ¹⁰, документ, кажется, 1946 г.: разрешить вернуться с семьями двум внукам Л. Н. Толстого – Илье Ильичу и Владимиру Ильичу.*

Л.Г.: Илья Ильич, конечно, очень много вложил, чтобы я овладел сербским языком. У него был замечательный метод: учить стихи. Я этих стихов, причем классиков сербской поэзии XIX в.: Любомира Ненадовича¹¹, Джурю Якшича¹², Йована Йовановича-Змая¹³, Алексы Шантича¹⁴ и других – выучил тогда уйму... Кстати, благодаря этой учебе моим первым местом работы оказалась югославская редакция Московского радио.

А.С.: *Интересный период как раз в это время. И такие в советско-югославских отношениях перепады – то дружим, то ругаемся.*

Л.Г.: Я попал на радио потому, что за несколько месяцев до окончания университета югославская редакция решила подготовить (записать) передачу о пятикурсниках нашей кафедры, специализировавшихся по истории Югославии. Мы пришли в редакцию, несколько человек. Кроме меня остальные были девочки, которые на задававшиеся им вопросы почему-то робели говорить по-сербски, отвечали по-русски. Я стал единственным, отвечавшим по-сербски: поскольку чувствовал себя уверенным, что могу, то так и делал. Это оказалось важным, когда я окончил университет.

(с 1929 г. Югославии), вернулся на родину в 1946 г., преподавал сербскохорватский язык в МГУ. Составитель одного из самых полных сербскохорватско-русских словарей.

¹⁰ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

¹¹ Любомир Ненадович (1826–1895) – сербский писатель, дипломат и политик.

¹² Джура (Георгий) Якшич (1832–1878) – сербский художник, поэт, прозаик. Яркий представитель романтизма в национальной культуре.

¹³ Йован Йованович-Змай (1833–1904) – сербский поэт-романтик, переводчик, детский писатель. Классик национальной литературы.

¹⁴ Алекса Шантич (1868–1924) – сербский (боснийский) поэт.

Тогда – был 1960 год – действовало правило: отправлять нас по распределению, минимум на два года, учителями школ в отдаленные районы страны. Меня рекомендовала кафедра в аспирантуру, но в тот год вышло распоряжение, что не отслужившие в армии могут поступать в аспирантуру, только имея двухлетний стаж работы по специальности. Я отнюдь не горел желанием куда-то ехать, а главное – представлял себе, что будет с моими весьма пожилыми родителями, если я уеду на довольно долго. Они, будучи против этого, обратились к хорошо знавшим их врачам в Центральном туберкулезном институте, которые в свое время лечили меня и под чьим наблюдением я потом долго оставался. Там выдали справку, по которой меня освободили от обязательного распределения. Но встал вопрос, где работать. Я получил два предложения о работе в научных учреждениях. Одно возникло как результат договоренности С. А. Никитина о возможности моего зачисления в созданную тогда при Молдавской академии наук группу по изучению истории болгарской колонизации юга России. Он сказал мне: поезжайте, через два года вернетесь и поступите в аспирантуру. Другое предложение возникло как инициатива Марины Михайловны Громыко¹⁵, в период моего студенчества работавшей на кафедре истории Средних веков и хорошо меня знавшей по научному студенческому обществу истфака, которое она курировала. Она уехала, кажется, к концу 1959 г. в недавно созданный новосибирский Академгородок, куда был направлен ее муж, известный физик (впоследствии и она стала известным ученым). Марина Михайловна сообщила, что есть договоренность о возможности, если я готов, моей работы там по историко-славянистической проблематике, включая, например, на первых порах и такую тему, как участие югославы в Гражданской войне в Сибири. Поскольку оба предложения были тоже связаны с отъездом, пришлось отказаться. Я был в недоумении, что делать дальше. Вдруг позвонили из югославской редакции радиокомитета с предложением работы. У них возникла свободная ставка, они вспомнили, что был такой студент, который отвечал по-сербски, и подумали – давайте его возьмем. И я стал там работать.

А.С.: *Какие-то инструкции получали: как надо освещать, учитывая непростые советско-югославские отношения?*

Л.Г.: Это всё было очень просто. Инструкций никаких письменных, естественно, не было. Это была текущая работа, каждый день начинался с планерки. Всем всё было ясно, что требуют в этот момент. Я сначала

¹⁵ Марина Михайловна Громыко (1927–2020) – этнограф, историк-медиевист. Доктор исторических наук, профессор.

вообще был принят на самую низшую должность – выпускающим редактором. И очень быстро случилось так, что поскольку я был с языком, то стал писать какие-то сначала заметки, потом репортажи и выступать с ними на языке в радиопередачах на Югославию. А через год уже выступал с политическими комментариями. Меня хвалили, это кружило молодую голову, и возможно, я бы так и остался там работать. Такой исход мог увлечь столь далеко по стезе «бойца идеологического фронта», что я рисковал бы оказаться в просто непристойной роли. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Меня сильно прихватило с сердцем, и врач сказал, что такой режим работы, как там, абсолютно мне не подходит.

Б. Н.: *Напряженная работа?*

Л. Г.: О да. Ненормированный рабочий день, вечно одна и та же фраза: горит эфир, давай чем-то затыкать!

Прошло уже больше полутора лет после окончания университета. Позвонил Никитину, который к тому времени перестал заведовать кафедрой и сосредоточился только на руководстве сектором в Институте славяноведения Академии наук СССР. Спросил его, есть ли какие виды на поступление в аспирантуру института. Он ответил, что, если я готов, то к очередному приему, который будет через несколько месяцев, постарается получить для сектора место в аспирантуре, имея в виду меня. Речь шла о возглавляемом им секторе «истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма». И о том, что я продолжу начатую еще студентом под руководством Сергея Александровича работу по проблематике XIX в.

Место для приема в аспирантуру сектор получил. И осенью 1962 г., сдав все вступительные экзамены на «отлично», я попал в институт. Но случилось совершенно непредвиденное. Когда в назначенный день я явился за документом о моем зачислении в аспирантуру, мне предложили пройти в кабинет директора. Сидевший там незнакомый мужчина сказал, что меня зачислят при условии согласия быть аспирантом не в секторе «феодализма и капитализма», а в секторе «истории зарубежных славянских народов в эпоху строительства социализма». Я совершенно растерялся и говорю: «Как же так, я ведь сдал все экзамены по тематике сектора Никитина, по XIX веку...» На что он ответил: «У нас же не учебное заведение, у нас исследовательский институт, а значит, мы берем только тех и на те темы, которые нам нужны. А иначе мы можем вас и не зачислить». Он, конечно, взял меня на пушку. Тем более что я не имел понятия, кто со мной говорит, думал – директор. Теперь

не помню, был ли директором еще И.И. Удальцов¹⁶ или уже стал И.А. Хренов¹⁷ – примерно в то время как раз происходила смена. Но я тогда не знал в лицо ни того, ни другого. Лишь позже я выяснил, что со мной говорил Иван Иванович Костюшко¹⁸, который временно исполнял обязанности зам. директора. Причем он-то был в секторе у Никитина, по XIX веку, но я ни о чем этом не был осведомлен. Как раз тогда Никитин уехал куда-то в командировку, что-то дней на десять, и я не мог прибегнуть к его помощи. В такой ситуации я в ответ, по сути, на ультиматум, поставленный мне в директорском кабинете, тут же с ужасом согласился. Сергей Александрович, по возвращении узнавший о произошедшем, меня очень ругал: «Что же вы сразу дали согласие, ведь могли сказать, что вам надо подумать». Ну не было у меня такого опыта, не сообразил, что можно потянуть время. Таким образом я попал в сектор «строительства социализма», которым руководил Любомир Борисович Валев¹⁹. Хотя потом я понял, что мне сильно повезло. Потому что заниматься XIX веком, конечно, очень интересно, но, хотя при университетской специализации вышло так, что я поехал именно по этой колее, моя душа-то лежала, конечно, к иному – к современным событиям. И оно вышло лучше.

А.С.: *Но ведь в то время невозможно было объективно изучать Новейшую историю? Вплоть до второй половины 1980-х гг.*

Л.Г.: Да, но я вам скажу и другое. Большое количество тем по XIX веку тоже нельзя было изучать объективно.

А.С.: *Это понятно, но ведь с Новейшей историей было еще хуже, и не только в плане каких-то трактовок, но и с точки зрения доступа к источникам.*

Л.Г.: Да, безусловно, всё это было. Я сразу столкнулся с подобными трудностями, как только занялся в секторе Валева югославской проблематикой, а тем более став позже расширять сферу моих исследований за счет других стран Восточной Европы. Сначала славянских, в отношении которых мне было легче с языками, затем в той или иной мере

¹⁶ Иван Иванович Удальцов (1918–1995) – партийно-государственный функционер, дипломат, историк. В 1959–1962 гг. был директором Института славяноведения АН СССР. Доктор исторических наук. Автор работ по чешской истории.

¹⁷ Иван Александрович Хренов (1906–1975) – историк-полонист, доктор исторических наук. В 1962–1969 гг. директор Института славяноведения (с 1968 г. Института славяноведения и балканистики) АН СССР.

¹⁸ Иван Иванович Костюшко (1919–2018) – историк-полонист, доктор исторических наук. Первый главный редактор журнала «Советское славяноведение» (1965–1987).

¹⁹ Любомир Борисович Валев (1915–1981) – историк-болгарист, доктор исторических наук.

включая и неславянские страны, особенно когда институт преобразовали в «...славяноведения и балканистики». Не говоря уж о начавшихся несколько позже моих занятиях международными отношениями в регионе, из-за чего я потом перешел в сектор истории международных отношений, возглавлявшийся Владимиром Константиновичем Волковым²⁰ (когда впоследствии Волков, чуть ли не первым в АН СССР, стал директором, избранным общим голосованием в институте, я некоторое время руководил этим сектором).

Что касалось источников, то со временем у меня вырабатывался навык некоторого расширения возможностей их использования. Во-первых, путем максимально тщательной компаративистской проработки как можно большего числа документов по теме исследования, в том или ином виде публиковавшихся или излагавшихся в различных изданиях, которые выходили в разных странах, и их критического сопоставления со сведениями, фигурировавшими в историографии опять-таки разных стран. Причем не только восточноевропейских и СССР, но, насколько возможно, и западных, прежде всего Англии и США. Во-вторых, тоже со временем, путем все-таки ознакомления с некоторыми интересовавшими меня архивными материалами. Пока я не получал для этого командировок за рубеж, речь шла только о советских архивах. При поддержке института мне удалось попасть, правда только уже в 1970-е гг., в мидовский Архив внешней политики СССР и в Центральный архив Министерства обороны СССР. Кроме того, я сразу же мог в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов власти и органов государственного управления СССР воспользоваться документами ТАСС, ВОКС²¹ и некоторых советских так называемых общественных организаций. Что же касалось зарубежных архивохранилищ, то первым был югославский Архив рабочего движения, где у меня оказалась возможность совсем немного, урывками, поработать во время уже упомянутого пребывания в Белграде в качестве переводчика на выставке в 1971 г. Когда вслед за тем мне выпало пару раз поехать в командировки для сбора материала в Болгарии, то прибавились и документальные находки в софийских архивах. Причем, что очень важно, я получил там возможность изучения в том числе и большой коллекции копий британских документов по балканским проблемам периода Второй мировой войны: копии

²⁰ Владимир Константинович Волков (1930–2005) – историк-славист, специалист по истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в новейшее время. Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР (Института славяноведения РАН) в 1987–2004 гг. Член-корреспондент РАН (2000).

²¹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

были сделаны в Лондоне и привезены в Софию после того, как с начала 1970-х гг. английскую архивную документацию, относящуюся к названному периоду, в значительной части открыли для исследователей. Из всех архивных материалов, с которыми мне давали познакомиться, я с самого начала стремился извлечь максимум данных, в них содержащихся, исходя из соображения, что рано или поздно всё может пригодиться. Впоследствии это не раз оправдывалось.

Если же говорить о сложностях с трактовками, что в ту пору сводилось, в сущности, к необходимости как-то совместить конкретную историческую картину, складывавшуюся у меня в результате работы по изучаемой теме, с тогдашними обязательными идеологическими установками, то мне, конечно, очень помог опыт работы на радио – помог писать так, чтобы, насколько было возможно в тогдашних условиях, изложить то, что вытекало из моего исследования, но избегать лобового столкновения с официальным каноном, используя более гибкие формулировки и обходя те или иные наиболее опасные моменты. Конечно, нередко было неизбежным в большей мере приноравливаться к существовавшим рамкам. Во всяком случае, что касалось югославских сюжетов, занимавших мое основное внимание, то, когда я начал активно контактировать с югославскими коллегами, которые читали уже опубликованное мною к тому времени, выяснилось, что они меня резко выделяли на фоне остального выходявшего у нас по тематике, которой я занимался.

А.С.: *Тематика была Вторая мировая война?*

Л.Г.: Не совсем. Меня посадили на тему «Установление народной власти и переход к строительству социализма». В югославском случае это охватывало и войну, и первые послевоенные годы.

Б.Н.: *То есть самое актуальное. То, что можно назвать современной историей.*

Л.Г.: Да, тогда это относилось к современной истории.

Б.Н.: *Это была тема вашей диссертации?*

Л.Г.: Да. Но я ее в период аспирантуры написал как ряд статей, а не общий текст, и не защищал.

Б.Н.: *Институт этого требовал от вас?*

Л.Г.: Институт отчасти требовал, но случилась такая вещь... Когда я был принят в аспирантуру, институт как раз начал, по заданию ЦК КПСС²², работать над двумя, как тогда формулировалось, «обобщающими трудами». В сущности, был задуман, говоря современным языком, большой комплексный проект из двух частей. Первая –

²² Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

«Народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», вторая – «Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Предполагалось, что всё будет опубликовано. В этом участвовали многие сотрудники института и большое число разных людей из других научных институтов, вузов, из партийного и пропагандистского аппарата.

А.С.: *Это вышло уже в 1970-е гг.*

Л.Г.: Оно никогда не вышло. В том или ином виде была написана некая основа обоих трудов. Меня сразу же привлекли к участию в том, который назывался «Народно-демократические и социалистические революции». Шли нескончаемые дискуссии об особенностях этих революций, с переливанием из пустого в порожнее... В большинстве европейских соцстран существовала официальная позиция, что у них были две революции или два этапа революции: сначала – с «народно-демократическим», а затем – с «социалистическим» содержанием. В Югославии официальная позиция была другой: что в их стране революция с самого начала была социалистической. На югославскую установку нам было тогда в немалой мере наплевать. Но не наплевать было на то, что такова была и болгарская установка: что революция в Болгарии была с самого начала социалистической. Вот по этому поводу ломались копья, выдумывались разные компромиссные формулировки, и я в подобной муре тоже участвовал и писал статьи по моей теме, предназначенные, помимо прочего, для использования в тех или иных разделах труда о революциях. В итоге из всей работы над обоими трудами фактически ничего не вышло, остались две здоровые и, по сути, неоконченные рукописи. Не знаю, куда они потом делись.

А.С.: *Позже сделали однотомник, это уже вторая половина 1970-х. Он назывался «Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Вы тоже там были в числе авторов.*

Л.Г.: Да, я был одним из авторов и членом редколлегии. Этот однотомник вышел в 1977 г., к очередному юбилею Октябрьской революции в России. Но в нем использовались лишь единичные из материалов того большого труда, который делался в 1960-е гг. И они были очень сильно переработаны. А остальное и вовсе написано заново. У вышедшей книги формально не было ответственного редактора, а просто редколлегия из четырех человек, но из их числа на меня возложили организационно-координирующую функцию. Мне же помимо югославской

темы выпало писать и общее предисловие к книге, носившее, по тогдашним меркам, теоретический характер. Помещенный в этом однотомнике мой весьма обширный раздел о революции в Югославии объединил в себе преобладающую часть написанного мною на эту тему прежде, в том числе когда, будучи аспирантом, я старался определенным образом совместить участие в подготовке вышеназванного большого труда 1960-х гг. с работой по теме диссертации. Текст, опубликованный в книге, вышедшей в 1977 г., по существу, и представлял собой основную часть того, что планировалось для диссертации. Получилось, что я это реализовал в такой форме.

А.С.: *Потом во многих своих работах, конечно.*

Л.Г.: Так что, если возвращаться к периоду аспирантуры, то я, хотя тогда не написал единого текста диссертации, тем не менее в определенной мере себя зарекомендовал. К тому же тяжело болел, год был в академическом отпуске, и в итоге моя аспирантура официально закончилась только в 1966 г. В результате, когда аспирантский срок закончился, в дирекции мне просто сказали: напишите заявление о зачислении в штат. Я написал и был зачислен. Потом, правда, Д. Ф. Марков²³, будучи директором, однажды требовал, чтобы я защищался. Но у меня было уже много работы, разных обязательств, тем более что примерно с рубежа 1960–1970-х гг. я параллельно с продолжением исследований по проблематике сектора Валева стал всё больше заниматься историей международных отношений, и это, как я уже упомянул, привело к переходу в сектор Волкова...

Б.Н.: *Это была ваша принципиальная позиция: вы не хотели на формальности размениваться?*

Л.Г.: Различной работы у меня в самом деле было много. К тому же если специально заняться диссертационными делами, то возникал вопрос о некоторых вещах, которые мне не хотелось писать, а они в этом случае были обязательны. В какой-то мере их все же приходилось частично писать в публиковавшихся работах, потому что тогда этого просто невозможно было вовсе обойти. Помню, в издательстве «Наука» завредакцией Н.П. Бобрик, человек очень пугливый, бдительно следил, чтобы всё идеологически абсолютно соответствовало положенному, требовал оснащать написанное разными цитатами из «классиков марксизма-ленинизма», из Брежнева и так далее.

²³ Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) – литературовед-болгарист. Директор Института славяноведения и балканистики РАН (1969–1987). Академик АН СССР (1984).

А.С.: Сама атмосфера Института славяноведения... Ведь там много было таких диссидентствующих, особенно в филологических секторах, и это сказывалось в разные моменты, например в 1968 г.

Л.Г.: Вообще-то была разница между людьми, которые публично выступали как диссиденты, и теми, кто был таких же или почти таких же взглядов, но не выступал публично, а обсуждал между собой, среди тех, кому, как считали, можно доверять. Если, скажем, брать тот же упомянутый 1968 год, то я помню очень многих, кто в доверительных разговорах выражал возмущение советской интервенцией в Чехословакии, вообще рядом аспектов советской политики и внешней, и внутренней. Конечно, прежде всего так было в общении с теми, по поводу которых не было никаких сомнений по части доверия. Нет возможности их перечислять даже в пределах одного сектора Л. Б. Валева, где я тогда был. Не говоря уж обо всем институте. А если упомянуть о примерах особенно запомнившихся доверительных бесед, в которых не только выплескивались эмоции, но мы пытались серьезно осмыслить как актуально-политическую, так и исторически значимую суть происходящего, то отмечу хотя бы многие обсуждения с моим наиболее близким институтским другом, уже не раз упомянутым Володей (Владимиром Константиновичем) Волковым. Или обмен мнениями с талантливым литературоведом Борей (Борисом Федоровичем) Стахеевым²⁴, который еще при моем приходе в институт был одним из первых, кто ввел меня в неформальную институтскую жизнь.

Впрочем, бывало, что люди, между которыми не было уж такой тесной личной связи, тем не менее в иные моменты вдруг высказывались друг перед другом очень откровенно. Не забуду, как однажды Владимир Анатольевич Дьяков²⁵, который был тогда замдиректора института, в каком-то разговоре с глазу на глаз со мной, когда мы коснулись вопросов, связанных с тогдашней общей ситуацией, неожиданно для меня сказал: «Мы всё говорим об общем кризисе капитализма, а пора, кажется, осознать, что наступил общий кризис социализма». И этот случай стал началом новых, гораздо более тесных отношений между нами. Впоследствии, при перестройке, мы, договорившись, выступили инициаторами начатого в институте выхода из КПСС.

Так что, если касаться того, какой была институтская атмосфера, по сути – политическая, в том числе в связи с такими событиями, как,

²⁴ Борис Федорович Стахеев (1924–1993) – литературовед-полонист, переводчик польской литературы. Кандидат филологических наук.

²⁵ Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) – историк, доктор исторических наук, профессор, автор многочисленных работ по истории России, Польши, русско-польских связей в новое время. Зарубежный член Польской академии наук.

например, катаклизмы в соцлагере, подобно чехословацкому 1968 году, то, пожалуй, можно говорить о довольно ощутимых тогда разделительных линиях внутри института. На очень небольшое число диссидентов, выступавших открыто, публично; на тех, кто был с ними заодно или им сочувствовал, но так открыто не выступал; тех, кто, хотя и с разной степенью активности, выступал сторонником политики тогдашней власти; и, наконец, в той или иной мере колеблющихся либо относившихся к происходившему довольно отстраненно. Конечно, никаких конкретных подсчетов я никогда не делал, но, вспоминая мои тогдашние впечатления, думаю, что первые две из обозначенных позиций в совокупности составляли, по крайней мере, не меньше чем половину в реальном институтском общественном мнении. А возможно, и преобладали. Во всяком случае, они очень значительно окрашивали настроения в институте. Хотя приверженцы традиционно-советской позиции, особенно наиболее воинствующие, вроде, скажем, А. И. Недорезова, долго заведовавшего сектором современных проблем, а одно время и замдиректора, могли создавать осложнения и даже немалые неприятности тем, у кого усматривали отклонения от ортодоксального идейно-политического канона.

А. С.: *Хотя мы об этом и не поговорили, но ведь были и на историческом факультете МГУ разные неформальные кружки и группы в ваши студенческие годы.*

Л. Г.: Нет, была всего одна такая группа, Льва Краснопевцева²⁶. Своего рода нелегальная организация или кружок, если можно так сказать. Они стремились изучить, разобраться в подлинной советской истории, особенно истории партии, в истории социализма, коммунистического движения. Всё их практическое действие непосредственно политического характера – выпуск и попытка распространения единственной листовки по поводу венгерской революции 1956 г. и ее подавления советскими войсками.

Б. Н.: *Вы были знакомы с участниками этого кружка?*

Л. Г.: Ядро было с истфака, и руководил секретарь факультетского бюро комсомола упомянутый Краснопевцев. Это были в основном аспиранты и студенты старших курсов. Ряд из них посадили, когда организация была выявлена после выпуска листовки. Впоследствии у меня были знакомства с некоторыми бывшими участниками. С одним из них я очень близко сошелся несколько лет спустя. Когда-то он начинал

²⁶ Лев Николаевич Краснопевцев (1930 г. р.) – историк, диссидент, глава подпольного кружка независимых марксистов (1956–1957). Политзаключенный (1957–1967). После освобождения занимался музейной работой.

учиться на истфаке, но потом вместе с группой других студентов оказался в созданном Институте восточных языков при МГУ. Это был Леня (Леонид Абрамович) Фридман²⁷, впоследствии очень известный экономист, профессор МГУ, мы с ним на протяжении многих лет были в самых тесных приятельских отношениях.

А.С.: Возвращаясь к 1968 году. В Институте славяноведения, когда вы уже были, подписывали разные письма – Вяч. Вс. Иванов²⁸ и так далее.

Л.Г.: Да, та часть института, которая открыто выступала в качестве диссидентов, это были сотрудники сектора структурной типологии славянских языков. Им с основания сектора в 1960 г. заведовал Владимир Николаевич Топоров²⁹, а с 1963 г. – Вячеслав Всеволодович Иванов. По ряду причин, в огромной мере из-за их политической позиции, этих выдающихся ученых и их талантливейших коллег стремились всячески прижать, организовать их травлю. Особенно Иванова. Сектор, возможно, вообще бы закрыли, если бы у них не было поддержки академика А.И. Берга³⁰ и возглавлявшегося им Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР.

А.С.: Дирекция института как-то достаточно проблемно на это смотрела...

Л.Г.: Ничего подобного.

А.С.: Не выгоняли почему? Потому что была команда сверху?

Л.Г.: Насколько я помню по тогдашним разговорам, именно позиция Берга и его Совета не давала их выгнать или закрыть. В 1968 г. еще И. А. Хренов, тогдашний директор института, был очень не прочь от них избавиться. А тем более против них был Д. Ф. Марков, ставший директором в 1969 г. Он вообще ненавидел Иванова лично. Потому что Иванов где-то публично сказал, что Марков ничего не понимает ни в литературоведении, ни вообще в науке.

А.С.: Это да, было. И не раз. Тем не менее они продолжали работать.

²⁷ Леонид Абрамович Фридман (1930–2019) – экономист, востоковед. Доктор экономических наук, профессор.

²⁸ Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017) – всемирно известный лингвист-компаративист, семиотик, антрополог. Переводчик, литературовед, общественный деятель. Академик РАН (2000), член ряда иностранных академий.

²⁹ Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) – всемирно известный лингвист, семиотик, литературовед, культуролог, фольклорист. Академик АН СССР (1990, академик РАН с 1991 г.), член ряда иностранных академий.

³⁰ Аксель Иванович Берг (1893–1979) – ученый-радиотехник, кибернетик, военно-морской инженер. Академик АН СССР (1946). Адмирал-инженер (1955).

Л.Г.: Да, но их всячески ущемляли, как только могли. Их работы сплошь и рядом приходилось издавать независимо от института.

А.С.: *Может, установка какая-то была – пусть они будут именно в Институте славяноведения.*

Л.Г.: В реальной действительности в любой системе, даже самой что ни на есть тоталитарной, всё делается конкретными людьми. Есть, конечно, рамки – что можно и чего нельзя. Но внутри этих рамок, если есть люди, которые обладают достаточным авторитетом, а то и властью, потому что они нужны данному режиму, то они могут обеспечить довольно многое. Вот Берг и ряд других, работавших в сфере кибернетики, важность которой осознало руководство страны, значительно помочь могли. И делали это в интересах науки.

А.С.: *То есть они, по сути, спасли.*

Л.Г.: Конечно.

А.С.: *Потом 70-е – начало 80-х, вся эта эпоха застоя. И вот с середины 80-х стала постепенно складываться несколько иная политическая обстановка в стране. Стало больше возможностей заниматься вашей темой.*

Б.Н., А.С.: *И в Югославию стало возможным теперь ездить, и вообще за границу. Вы же до этого почти не бывали за границей.*

Л.Г.: Бывал, но мало.

А.С.: *Научные командировки? Конференции?*

Л.Г.: Первый раз, как уже сказал, в 1971 г. я поехал в Югославию на выставку переводчиком. В 1973 г. ездил на Международный съезд славистов в Варшаву, в 1974 г. – на международный съезд по изучению Юго-Восточной Европы в Бухарест, в обоих случаях выступал с докладами. Потом, как тоже говорил, пару раз был в Болгарии в командировках для сбора материала. Еще ездил в Венгрию по частному приглашению.

Б.Н.: *Почему так? Были сложности потому, что непростые отношения с Югославией были? Почему не пускали ученых?*

Л.Г.: Нет, пускать – пускали, весь вопрос, кого пускали. Из институтских специалистов по Новейшей истории ездили тогда в Югославию, если не ошибаюсь, в основном два человека. Это Григорий Моисеевич Славин³¹, он там вообще год пробыл как стажер, и, конечно, Майя (Майя Михайловна) Сумарокова³².

³¹ Григорий Моисеевич Славин (1917–1994) – историк-югославист, кандидат исторических наук.

³² Майя Михайловна Сумарокова (1939 г.р.) – историк-югославист, доктор исторических наук. Дочь виднейшего советского государственного деятеля М. А. Сулова.

А. С.: *По понятным причинам. Инвалид войны ездил и дочь М. А. Сулова.*

Л. Г.: Не уверен, что причиной могла быть инвалидность. Ездил, кажется, и Владимир Владимирович Зеленин³³, но, если правильно помню, не по институтской линии. Из специалистов по XIX веку ездил Сергей Александрович Никитин, позже стали, насколько помню, пускать также Ксению Леонидовну Струкову³⁴, специалистку по Македонии, и Нину Ивановну Хитрову³⁵, она занималась Черногорией. Связи были, безусловно, ограниченные. Чаще ездили люди университетские. Виктор Георгиевич Карасев бывал там относительно часто, и я уже упомянул, что еще со студенческих времен много пользовался его помощью по части ознакомления с литературой.

Б. Н.: *Все-таки очень мне интересно ваше восприятие Югославии в 1971 г. Вы были в Югославии и видели Белград. На что обратили внимание? Что вас поразило и как это всё отличалось от тогдашних советских реалий? Я догадываюсь, что отличалось сильно.*

Л. Г.: Сильно – не то слово. Для меня это был другой мир. Позднее, когда я стал чаще ездить в Югославию в разные места, я увидел уже другие стороны тамошней жизни, а тогда это был только Белград.

Б. Н.: *То есть парадная сторона.*

Л. Г.: Тогда я себе представлял, что так живет Запад. Вся эта система обслуживания, магазины, общепит и так далее – ничего похожего у нас даже отдаленно не было. Другое дело, я в то время не очень хорошо понимал, сколь доступно то или другое обычному, рядовому человеку. С улицы, что называется. Кстати, белградская интеллигенция, люди, с которыми я познакомился и общался, их стандарт жизни, что касалось жилья, автомобилей, абсолютно от нашего отличался. У нас так жила бюрократия, а у них так жила основная научная элита и писатели, с которыми я был знаком.

А. С.: *Писатели, вы знаете, и у нас иногда жили по высоким материальным стандартам. Официальные писатели.*

Л. Г.: Да-да, но у нас это были режимные писатели, а у них это были и вовсе не режимные. Даже Радован Зогович³⁶, с которым меня тогда

³³ Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998) – историк-югославист, доктор исторических наук.

³⁴ Ксения Леонидовна Струкова (1922–1984) – историк-югославист, кандидат исторических наук.

³⁵ Нина Ивановна Хитрова (1925–2015) – историк-югославист, доктор исторических наук.

³⁶ Радован Зогович (1907–1986) – черногорский поэт. Из-за просоветской позиции, занятой во время советско-югославского конфликта 1948 г., подвергался преследованиям, а потом долгие годы ограничениям в титовской Югославии.

познакомили и который был опальным. Просто стандарты у них уже другие были.

А.С.: *Ведь это было непростое время, когда вы первый раз туда приехали. «Хорватская весна» 1971 г.³⁷ События бурные.*

Л.Г.: Да, конечно, но дело в том, что там-то, в Хорватии, я не был и этого не видел. И на всё мог смотреть только через официальную пропаганду, а она, конечно, не соответствовала действительности.

Б.Н.: *В Белграде речь не шла о событиях в Хорватии?*

Л.Г.: Ну почему не шла? Просто с разными людьми шла по-разному. В зависимости от степени доверия. Я приехал и общался с теми, с кем до этого был знаком по их приездам в Москву или по переписке. Из людей, с которыми я стал там общаться тесно, я был заочно знаком – только по переписке – с Бранко Петрановичем³⁸, уже тогда большим мэтром в югославской историографии. Переписка возникла потому, что Виктор Георгиевич Карасев мне передал книгу Петрановича «Политическое и правовое положение Югославии в период Временного правительства ДФЮ³⁹» (серб. *Političke i pravne prilike za vreme privremene vlade DFJ*), а я написал на нее рецензию. Бранко был совершенно ошарашен тем, что в советском журнале появилась рецензия на его работу. Когда я приехал в качестве переводчика, то позвонил ему по телефону. Он тут же мне назначил свидание на Скадарлии⁴⁰, от которой я был под большим впечатлением: у нас, в Москве, конечно, ничего подобного не было. С этого началась наша дружба, которая много лет длилась, не раз прерываясь по разным причинам, а потом возобновляясь. Позднее, на рубеже 1980–1990-х гг., у нас появилась и общая работа – подготовка сборника документов по советско-югославским отношениям 1941–1945 гг.

А.С.: *Помимо того, что вы работали по своим плановым темам, на каком-то этапе вас стали подключать к написанию разного рода справок? Я так понимаю, что вы довольно рано к этому стали привлекаться, во всяком случае, в 1970-е гг. уже активно.*

Л.Г.: О да, ну потому что тот, кто один раз выполнил некое задание хорошо...

³⁷ Речь идет об общественно-политическом подъеме в Хорватии на рубеже 1960–1970-х гг., развернувшимся прежде всего под лозунгами национальной эмансипации.

³⁸ Бранко Петранович (1927–1994) – ведущий сербский историк, автор многочисленных работ по Новейшей истории Югославии.

³⁹ Демократическая Федеративная Югославия.

⁴⁰ Скадарлия – квартал в старой части Белграда, считается центром богемной жизни города.

Б. Н., А. С.: *Навешивают снова. На хорошем счету.*

Л. Г.: Да. Это мне отчасти помогало, потому что когда возникали спорные вещи и меня не хотели публиковать...

А. С.: *Зато вы работали для инстанций.*

Л. Г.: ...То было к кому обратиться и поговорить, чтобы каким-то образом такие сложности преодолеть. Иногда это помогало, хотя порой и сопровождаясь определенными редакционными потерями.

А. С.: *Ваша книга конца 1980-х гг. о советско-югославских отношениях 1941–1947 гг. вышла с огромным трудом, сколько вас заставляли ее переделывать, переписывать*⁴¹.

Л. Г.: Да, ну так она бы и не вышла, если бы в то время уже не стала постепенно фактически рушиться советская система.

Б. Н.: *Когда вы писали справки, аналитические материалы, вам давали пользоваться какими-то документами, какими-то данными, которые иначе вы бы не получили?*

Л. Г.: Нет, ничего этого не было. Заказы подобного рода, помимо таких тем, как, скажем, македонский вопрос или какие-то актуально-политические аспекты развития тогдашней югославской историографии, либо корни тех или иных межэтнических проблем, сводились преимущественно к причинам советско-югославского конфликта 1948 года. Тут у меня была под рукой югославская документация очень большая, опять же официальная, публичная.

А. С.: *Не имели возможностей доступа в спецхраны?*

Л. Г.: Не то что я не имел. Почти никто не имел. Ни в Югославии, ни у нас. Из наших, о ком я слышал, что он вроде бы что-то видел по поводу конфликта, я знал только одного человека, Д. А. Севьяна, работавшего в аппарате ЦК КПСС, а в течение ряда лет и в нашем посольстве в Белграде. Трудно понять, в какой мере то, что он смотрел архивного у нас, ему помогало. Нередко выглядело так, что я знал больше, чем он. Видите ли, ведь в этих инстанциях, заказывая нам те или иные справочные материалы, интересовались не конкретными вещами, а оценками. Да, оценки должны были подкрепляться какими-то якобы фактами, но сами-то заказчики этих фактов толком не знали. Так что нужно было дать им некую картину. А для этого можно было обойтись и без какой-то особо подробной, основательной фактуры, недоступной в архивах, скорее нужна была сообразительность в формулировании неких выводов, по тем временам считавшихся аналитическими.

⁴¹ См. список основных трудов Л. Я. Гибянского: URL: <https://inslav.ru/people/gibianskiy-leonid-yanovich> (дата обращения: 22.03.2021), а также в конце интервью.

Леонид Янович Гибианский на конференции «Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты и ученые-путешественники между Западом и Востоком в XVIII–XX вв.» Институт славяноведения РАН, 16 октября 2018 г. *Фотография Л. Ю. Пахомовой*

Как ни странно, писание таких материалов было для меня полезным. По двум причинам. Одна – чисто деловая. Оттачивалась возможность говорить гораздо больше, чем допускалось в открытой печати. То есть там я мог писать в том числе об ошибках в советской политике, достаточно прямо, только в пристойных выражениях. Что, конечно, позволяло набить руку и потом пользоваться приобретенной методикой, когда надо было что-то написать таким образом, чтобы было проходимо, по возможности – даже в открытой печати. Нужен был навык, на моем опыте знаю, что просто так это не сваливается с неба, а постепенно вырабатывается. Второй причиной, почему эта работа была для меня полезной, являлось само обстоятельство, что можно было на бумаге, да еще в высокую инстанцию, выразить то, чего нельзя себе позволить в обычной повседневности. Возможность писать так (или почти так), как есть, рождала некоторое психологическое удовлетворение.

В аппарате ЦК приходилось контактировать с разными людьми. С одними совершенно нельзя было иметь дела, они сразу начинали поучать, а то и повышать голос. Но были и другие, которые и сами очень многое понимали, и относились с пониманием и уважением к людям, которые им давали эти справочные материалы, необходимые для чего-то. Для чего – я не очень конкретно понимал.

А.С.: *Может быть, скажем, Брежнев ехал в Белград, какая-то очередная поездка, готовились разные справки под это дело.*

Л.Г.: Вот такое я знаю только про один раз, и это был не Брежнев, а М.С. Горбачев, когда он в марте 1988 г. поехал в Белград, и с этого началась новая нормализация отношений между СССР и Югославией. В МИДе перед поездкой готовился большой справочный материал о конфликте «Сталин – Тито». В справке история конфликта освещалась преимущественно по ряду чрезвычайно важных, но на тот момент еще недоступных документов мидовского архива. И я оказался до некоторой степени причастен к подготовке справки. Это случилось потому, что как раз незадолго до того я был от института включен в работу по составлению уже мною вскользь упомянутого документального сборника о советско-югославских отношениях 1941–1945 гг., только что начатую совместно МИД СССР и Союзным секретариатом по иностранным делам (сербская аббревиатура – ССИП) СФРЮ⁴². Занимаясь сборником, я проводил много времени в Историко-дипломатическом управлении (ИДУ) МИДа, тесно взаимодействовал с рядом его сотрудников, а особенно с И.В. Бухаркиным, непосредственно организовывавшим подготовку сборника с советской стороны. И он доверительно сообщил мне о возложенном тогда на него же составлении справки о конфликте 1948 года. Узнав, что я писал материалы по данной теме, как было принято говорить, «для инстанции», он стал консультироваться со мной по некоторым возникавшим у него вопросам. Я, насколько мог, стремился более основательно ввести его в общий курс проблемы: в освещение ее в историографии, в то, какие и где публиковались за прошедшее время источники, какие сведения из них можно было извлечь. И отчасти непосредственно помогал ему в написании вводной части справки. Одновременно он обсуждал со мной ряд важных аспектов новой, до того не известной фактологии, содержащейся в тех материалах, с которыми он знакомился в архиве МИД и которые были главной основой подготовки составляемой справки. В этих обсуждениях, в ходе которых выкристаллизовывались ее содержание и структура, я, таким образом, знакомился в определенной мере с существенно иными сведениями о возникновении конфликта.

А.С.: *Это уже другая эпоха начинается.*

Л.Г.: Кстати, тогда я впервые совершенно по-другому взглянул на 1948 год, на его конкретные причины и пружины. Почему именно и как всё происходило. Тому потом были посвящены все мои публиковавшиеся работы по этой теме.

⁴² Социалистическая Федеративная Республика Югославия.

А.С.: *Проходит еще какое-то время, не так много, и вы уже получили доступ к документам.*

Л.Г.: Да. Правда, отдельные из этих материалов я напрямую, то есть непосредственно сам, так и не получил никогда. Но то, что готовилось для Горбачева, стало стартом в моем дальнейшем, основанном на документах исследовании подлинной истории конфликта.

Б.Н.: *Книга, которая у вас вышла в 1987 г., «Советский Союз и новая Югославия»...*

Л.Г.: С книгой было совсем по-другому. Она вся написана в условиях предшествовавшего времени, ибо была закончена еще в начале 1983 г. Она строилась на весьма большом и разностороннем материале источников и историографии: советском, югославском, западном, в подавляющем большинстве опубликованном, но частично и с использованием архивных документов. Однако это был лишь тот материал, который оказался доступным к началу 1980-х гг. А опубликована книга была только через четыре года после завершения рукописи. Ибо, согласно тогдашней практике, издательству «Наука» для публикации работы на такую тему требовалась санкция из ЦК КПСС. Мою рукопись, утвержденную к печати Ученым советом Института, отправили в Отдел ЦК по связям с компартиями зарубежных соцстран, в тамошний югославский сектор.

Его работники читали ее и, хотя в целом высказались за издание, тем не менее стали давать мне множество критических замечаний и указаний по внесению разного рода изменений. Будучи всякий раз какого-то конкретного характера, они в конечном счете сводились к двум основным направлениям. Во-первых, к тому, чтобы написанное мною максимально согласовывалось с текущей политической конъюнктурой состояния советско-югославских отношений того периода, середины 1980-х годов. Поскольку конъюнктура менялась ввиду почти постоянных колебаний в отношениях двух стран, то всё время возникали дополнительные или вовсе новые соображения о необходимости корректировок по поводу тех или иных сюжетов либо формулировок в тексте рукописи. Во-вторых, многие замечания были направлены на то, чтобы монографии, написанной мною, насколько в то время было возможно, в академическом ключе, придать более привычную этим работникам публицистичность с заметной политико-идеологической окраской. Не забуду одной из претензий на полях моей рукописи: «Сухо, бесстрастно, академично». С точки зрения науки подобная оценка могла бы восприниматься как похвала. Но сделавший эту помету вкладывал в нее, наоборот, отрицательный смысл.

Я был вынужден маневрировать, внося коррективы, выглядевшие как учет замечаний. В основном они сводились к той или иной структурной перекомпоновке каких-то частей рукописи, к вводу в ряде мест разного рода страховочных положений, к переносу некоторых фрагментов из основного текста в примечания. Наиболее важным и наиболее сложным было нахождение во многих случаях более гибких формулировок, однако сохранявших прежний смысл написанного. Вся эта очень трудоемкая и все усложнявшаяся новыми и новыми пожеланиями / требованиями тактическая эквилибристика отнимала много времени и сил. Но у меня не было иного пути, чтобы довести дело до публикации (хотя, как я уже сказал, вряд ли бы до нее дошло, если б не перемены, ставшие происходить у нас в стране). Я ходил на Старую площадь⁴³ почти как на работу. Приходил, садился, мне давали очередные замечания и указания, что и как надо переделать, откорректировать, вовсе убрать. Непосредственно их давал работавший там Ю. С. Гиренко.

Б. Н.: *Да, небезызвестный.*

А. С.: *На его книгу «Сталин – Тито» ссылается довольно активно и известный словенский историк Й. Пирьевец в недавно вышедшей и на русском монографии «Тито и товарищи».*

Л. Г.: Книга Гиренко «Сталин – Тито» вышла в 1991 г., в совершенно иной, стремительно менявшейся политической ситуации в СССР. Это в основном биография Тито под углом зрения связи и отношений его самого и югославских коммунистов с советской стороной начиная со времени революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Книга в немалой степени была построена на весьма противоречивом материале: с одной стороны, на данных тогдашнего югославского официоза – историографии и тщательно отбирившихся опубликованных источников, а с другой стороны, частично на немногочисленных сведениях из отдельных югославских и наших архивных документов. Между прочим, обратившись в этой книге и к истории конфликта «Сталин – Тито», автор ввел в нее некоторый материал, имевшийся в справке МИДа, сделанной для поездки Горбачева. Хотя Гиренко не участвовал в подготовке справки, он получил ее как сотрудник ЦК. В книге справка не упоминалась, а сведения, заимствованные из нее, сопровождалась ссылками, оформленными так, что всё выглядело, будто автор сам работал в архиве с документами, в которых содержались эти сведения.

А. С., Б. Н.: *Он просто использовал этот материал.*

⁴³ На Старой площади располагался комплекс зданий, в котором размещался аппарат ЦК КПСС (сейчас находится Администрация Президента РФ).

Л.Г.: Однако вернемся к рубежу 1987–1988 гг., когда в МИДе подготовили справку, о которой шла речь выше. Как раз в то время В.К. Волкову и мне поручили в ЦК написать статью о советско-югославских отношениях после Второй мировой войны для опубликования в тогдашнем особо политически значимом журнале «Вопросы истории КПСС». И важнейшей задачей было дать пока лишь частично – в определенных пределах – обновленный взгляд на конфликт 1948 г. В связи с этим нас обоих познакомили с полным текстом той мидовской справки. Но тогда нам еще не разрешалось никакого упоминания о ряде новых сведений, которые в ней излагались. С задачей мы как-то справились, мобилизовав тот имевшийся у нас материал, который использовать было можно. Однако нашу статью в редакции журнала «Вопросы истории КПСС» сочли, в отличие от работников аппарата ЦК, слишком радикальной. Так мы на собственном опыте столкнулись с проявлением противоречий среди партноменклатуры. Тогда мы сами обратились к хорошо нам знакомому И.В. Созину, заместителю главного редактора журнала «Вопросы истории», и в итоге с согласия цеховских заказчиков статьи она была опубликована в этом журнале уже в середине 1988 г.

Параллельно всё большее место занимала у меня работа над сборником документов о советско-югославских отношениях 1941–1945 гг.: и по части отбора документов, и по части комментирования, которое с нашей стороны делалось в основном мною, а с югославской – преимущественно Петрановичем. Для меня это дело оказывалось более трудным, поскольку в СССР складывалась ситуация переходного периода – о многом уже можно было написать, но еще оставалось и очень много того, о чем писать не рекомендовалось. Из-за этого между мной и Петрановичем иногда возникали скандалы, но ведь в известной степени я являлся более подневольным, чем он. Комментариев было много, причем и весьма обширных, потому что многие вещи упоминались у нас впервые, и их надо было объяснять.

А.С., Б.Н.: *Уже в ходе работы над сборником вы получили возможность более частых поездок в Югославию и контакты стали активнее?*

Л.Г.: Да, в это время я начал ездить часто – и по академической, и иногда непосредственно по мидовской линии. Мы попеременно проводили рабочие обсуждения по сборнику то в Москве, то в Белграде.

А.С.: *В Белграде только с историками обсуждали или также с людьми, активно участвовавшими в политической жизни, ветеранами партии и так далее?*

Л.Г.: Там, помимо коллег-историков, многие вопросы обсуждали и решали, например, в общении, порой неформальном, чуть ли не за ужином где-то, со Станиславом Стояновичем, в то время секретарем Президиума ЦК СКЮ⁴⁴... Кстати, у него была определенная известность и как ученого-обществоведа.

Надо особо сказать, что начавшиеся поездки, в том числе не только на несколько дней, но, если по академической линии, то и более длительные, так же как ставшее интенсивным мое взаимодействие с югославскими историками, архивистами и официальными лицами, – всё это сыграло для меня очень большую роль с точки зрения не только работы над сборником о советско-югославских отношениях в годы войны, но и одновременно получения возможности приступить в белградских архивах к исследованию документации по вопросу о причинах и механизме возникновения конфликта «Сталин – Тито». Уже в 1988 г. данный сюжет приобрел характер самостоятельной темы, начавшей обсуждаться как советскими историками и политологами, так и совместно с югославскими коллегами. Первым обсуждением явился проведенный в середине того года круглый стол в нашем институте с участием ряда его сотрудников и некоторых приглашенных из других институтов АН СССР. Несколько месяцев спустя, в начале декабря, по договоренности между ЦК КПСС и ЦК СКЮ, в Москве состоялась на ту же тему советско-югославская, как было сформулировано, «партийно-научная консультация» историков и политологов из обеих стран. Материалы того и другого обсуждений, в которых я активно участвовал, были опубликованы. Результаты с очевидностью свидетельствовали о необходимости серьезного исследования этой проблематики на основе до того недоступных документов. Власти обеих стран, однако, не торопились, и я попытался ускорить дело. В ходе работы по сборнику о советско-югославских отношениях военных лет у меня установились очень тесные дружеские отношения с руководительницей Центра информации и документации ССИП СФРЮ Косарой Вукасович. И в ответ на мой вопрос, может ли она в чем-то посодействовать в ознакомлении с интересовавшими меня материалами по конфликту, она чрезвычайно помогла. Прежде всего она обеспечила мне доступ к широкому кругу касающихся этого документов в подведомственном ей архиве ССИП. Кроме того, пробила для меня и возможность работы в Архиве Тито, где находились еще более важные источники по указанной теме. Следом я смог начать исследование в Архиве ЦК СКЮ, вскоре ставшем частью Архива Югославии.

⁴⁴ Центральный комитет Союза коммунистов Югославии.

В результате у меня скапливалась довольно значительная масса архивных данных по тематике конфликта, которые до того не были известны. Этот материал из югославских архивов стал с 1989–1990 гг. существенно дополняться советскими архивными документами, из которых отдельные начали и публиковаться, а другие постепенно становиться мне в той или иной мере доступными. В такой ситуации я, параллельно с архивными изысканиями, приступил к написанию – что называется, с колес – работы о возникновении конфликта. Она в виде серии из семи продолжавших друг друга документальных очерков стала тут же, по мере готовности каждого, публиковаться с весны 1990 г. по весну 1992 г.: первые три – в журнале «Рабочий класс и современный мир» (с 1991 г. «Политические исследования»), следующие четыре – в «Советском славяноведении» (с 1992 г. «Славяноведение»). С этой серии очерков, фактически книги, вышедшей частями, началось для меня как историка вступление в совершенно новую эпоху – с отсутствием обязательной идеологии, цензуры, с открытием (хотя и не всегда последовательным) доступа к прежде абсолютно недоступным источникам. Жаль, однако, что это произошло лишь в середине шестого десятка лет моей жизни. И что еще через три десятилетия приходится сталкиваться с усилиями вернуть порядки, напоминающие те, в которых мне пришлось жить свои первые 55 лет.

Б.Н.: *На рубеже 1980–1990-х гг. вы стали часто ездить в Югославию и чаще общались с разными людьми. Например, Джилас⁴⁵, ведь он был жив до 1995 г. Вы с ним тоже были знакомы. В этой связи вопрос: как вы относитесь к такому историческому источнику, как интервью? Ведь Джилас был в свое время одним из высших руководителей Югославии.*

Л.Г.: Видите ли, какая штука. Вообще даже к историческому документу в архиве надо относиться очень аккуратно и осторожно. Потому что вопрос заключается в том, кем, для кого и для чего это пишется. Тем более необходимость осторожного отношения касается интервью. Я с Джиласом довольно много общался, в каждый приезд ему звонил и приходил домой. Меня с ним познакомил, привел к нему Александар

⁴⁵ Милован Джилас (1911–1995) – югославский политик, публицист. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. входил в узкое руководство компартии Югославии (Союза коммунистов Югославии), в 1954 г. критиковал внутреннюю политику режима, вступив в острый конфликт с Тито и его окружением. На протяжении многих лет был виднейшей фигурой оппозиционного движения в Югославии, неоднократно подвергался арестам. Популяризировал концепцию «нового класса» – партийно-бюрократической номенклатуры, правящей в странах с коммунистическими режимами.

Спасоевич-Кале, работавший в белградском Институте современной истории. Он был вхож в дом Джиласа и однажды мне сказал: «Хочешь с ним встретиться?» Я отвечаю: «Конечно, хочу!» И мы пошли. После этого я уже сам бывал у Джиласа. Потом, в январе 1990 г. Джилас приезжал в Москву, когда «Литературная газета» пригласила его на организованный ею круглый стол советских и югославских историков и политологов о конфликте «Сталин – Тито». Я был там единственным из наших, кто с Джиласом был знаком. Скажу вам, что у него в голове была своя картина причин возникновения конфликта. Картина, присущая человеку, который, с одной стороны, стал диссидентом и, в общем, самым сильным критиком – из бывших коммунистов – коммунистической системы, включая в первую очередь югославскую. При этом то, что образовалось в Югославии, было его детищем. Хотя он понимал и сам много об этом писал, что есть определенные закономерности подобных режимов и они проявляются сходным образом, однако считал, что речь шла о противоречии между молодой югославской революцией и забюрократизированным советским режимом. В действительности же к тому времени, когда произошел конфликт, югославский режим был уже подобен советскому. И действовал так же. Не было того водораздела, о котором говорил Джилас. Но очень важно и другое: он к тому времени просто не всё хорошо помнил. Был такой период, когда я в Белграде провел месяца два с половиной, если не три. И вот почти каждый день после окончания работы в архиве – а архив закрывался рано, где-то в три часа дня – я шел домой к Джиласу, он жил на улице рядом со Скупщиной, и рассказывал ему – таково было его желание – что за этот день я посмотрел из архивных документов. Иногда это были документы, им написанные, но, случалось, он так удивлялся: «Да? Я это написал? Вы уверены?» Я говорю: «Там ваша подпись стоит, а многое просто вашей рукой написано».

А. С.: Из того, что Джилас рассказывал, вы что-то записывали? Вы планировали что-то опубликовать на основании его воспоминаний?

Л. Г.: Да понимаете, всё то из говорившегося им, что было действительно ново и интересно, по сути, уже мною использовано. Это были его ответы на некоторые мои вопросы о совершенно конкретных вещах, по которым мне были важны те или иные детали. И ряд таких ответов был ценен, ибо помог мне уточнить то, о чем я не знал. А многое, что он вообще рассказывал, было уже до того опубликовано в его мемуарах: это несколько книг, которые он написал раньше, когда гораздо лучше помнил время своей деятельности в югославском коммунистическом руководстве.

А.С.: *Потом, с начала 1990-х, у вас возникают активные связи и с западными историками?*

Л.Г.: Это уже другая эпоха. И началось интенсивное сотрудничество в международных проектах с западными коллегами и научными центрами. Наиболее важную стартовую роль сыграл в этом отношении очень большой проект по международной истории холодной войны, организованный вашингтонским центром Вудро Вильсона – *Cold War International History Project*. Основной целью проекта являлось исследование происхождения и хода холодной войны на базе сопоставительного изучения документов всех государств-участников. Конечно, наибольшее внимание было направлено на изучение относящейся к этому архивной документации бывших соцстран, до того совершенно закрытой и фактически не исследовавшейся, в отличие от западной. Особый интерес представляла собой такого рода документация в бывших советских архивах, центральные из которых после распада СССР стали российскими. Надо сказать, что наряду с нашими и западными историками в этом проекте активно участвовали и коллеги из восточноевропейских стран, со многими из которых мы были знакомы и сотрудничали еще со времени нашей и их жизни при коммунистических режимах. Проект продолжался много лет, была длинная серия конференций, разного рода публикаций.

А.С.: *Помню, в 1993-м мы с вами ездили на одну такую конференцию в Прагу.*

Л.Г.: Да, я оказался активно включенным в этот проект начиная с конференции в Москве в январе 1993 г. и вышедшей в 1995 г. по ее результатам книги «Холодная война: новые подходы, новые документы». Участвовал там с докладом / статьей «Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е гг.». Затем был участником многих конференций и публикаций в рамках проекта. В организации всего этого дела с российской стороны надо отдать должное А.О. Чубарьяну⁴⁶, который был тогда директором Института всеобщей истории [АН СССР, затем – РАН]. С американской стороны первым это организационно возглавлял Джеймс Хершберг, он с пониманием подходил, помогал, чтобы в той очень нелегкой экономической ситуации, которая тогда была в России, мы здесь могли работать по проекту, финансировал, оплачивал поездки.

⁴⁶ Александр Оганович Чубарьян (род. 1931) – историк, специалист по истории международных отношений в Новейшее время. Организатор исторической науки. Директор Института всеобщей истории РАН (1988–2015), затем его научный руководитель.

Кстати, если касаться проблем финансирования исследовательской работы, вспоминаю и о важной для многих из нас роли, которую сыграл в то время Фонд Сороса, распространивший на российских ученых свою программу грантов на конкурсной основе. Знаю по собственному опыту. Грант, полученный для моего индивидуального проекта, дал серьезные возможности для командировок, копирования документов, приобретения книг, не говоря уж о житейских надобностях, особенно при случавшихся задержках зарплаты. Это было очень значимо, пока не появились наши отечественные гранты – от РГНФ и РФФИ⁴⁷.

А.С.: Весной 1994-го вы проводили масштабную международную конференцию в Москве по проблемам Восточной Европы. Я помню, большая команда приехала из-за рубежа.

Л.Г.: Да, это был самостоятельный проект, хотя тематически и примыкал к *Cold War International History Project*. Проект возник как следствие договоренности между мной и профессором Стэнфордского университета Норманом Неймарком. Нас связал коллега и приятель Неймарка, известный специалист по истории Югославии, профессор Йельского университета Иво Банац⁴⁸, с которым я вступил в переписку относительно возможных форм сотрудничества. В результате я с Неймарком, вскоре приехавшим в Москву для архивных исследований, выступили с инициативой проведения конференции российских, американских и восточно-европейских ученых по широкой проблематике истории установления коммунистических режимов в Восточной Европе. Предложенный проект был принят и совместно осуществлен нашим Институтом и Стэнфордским университетом при финансовой поддержке некоторых научных организаций и фондов в США. Непосредственными организаторами всего предприятия стали мы с Неймарком. С этого началась очень близкая дружба между нами, между нашими семьями, продолжающаяся по сей день. Мы успешно провели конференцию, а затем значительную часть ее материалов, переработанных для опубликования, подготовили в виде книги «Установление коммунистических режимов в Восточной Европе, 1944–1949» (англ. *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949*), изданной под нашей редакцией в США в 1997 г. Она привлекла значительное внимание коллег в разных странах.

⁴⁷ РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд; РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

⁴⁸ Иво Банац (1947–2020) историк, политик. Специалист по истории Югославии. Почетный профессор Йельского университета. Директор Института Юго-Восточной Европы Центрально-европейского университета в Будапеште (1994–1999). Председатель хорватской Либеральной партии, депутат парламента, министр по охране природы (2003–2004).

К этому добавлю, что в работе по данному проекту я мог частично опереться на опыт, приобретенный чуть раньше при подготовке другой инициированной мною коллективной работы, целиком посвященной важнейшему международному аспекту перемен в Восточной Европе конца Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Речь о книге, выпущенной под моей редакцией в 1995 г.: «У истоков “социалистического содружества”: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг.». Изданная под грифом нашего Института, она была создана российскими авторами, в большинстве институтскими, вместе с чешским коллегой.

Эти две книги, в которых я активно участвовал и как автор, наряду со значительным числом моих статей и публикаций источников, вышедших в различных отечественных и зарубежных изданиях, обозначили одно из главных направлений моей работы в постсоветское время: история установления коммунистического правления и одновременно формирования советского блока в Восточной Европе. Причем с особым вниманием к сравнительному исследованию типологии того и другого из этих взаимосвязанных процессов применительно к разным странам региона или их группам. В частности, проблематике типологии были специально посвящены написанные мною обширные части в коллективных трудах: «Советизация и независимость в советской зоне оккупации / ГДР» (нем. *Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953)*), (подготовлен потсдамским Центром по изучению современной истории и опубликован в 1999 г.) и «Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива» (подготовлен Институтом всеобщей истории РАН, вышел в 2003 г.).

А.С.: *Что еще, кроме того, о чем вы уже сказали, сделано вами в науке начиная с 1990-х гг.? Какие еще проекты, помимо названных, вам кажутся наиболее значимыми, над чем вы продолжаете трудиться?*

Л.Г.: Если коротко, то целесообразнее перечислить главным образом темы, указывая на проекты лишь в единичных случаях. Ибо в реальной практике разные работы по одной теме нередко выполнялись в рамках различных проектов, тот или иной из которых мог включать в себя исследование лишь какого-то из аспектов этой темы. Тем более что проекты со столь широким тематическим охватом, как *Cold War International History Project*, или тоже широким, но не настолько, подобно, например, проекту итальянских Фонда Фельтринелли и Института Грамши «Советский Союз и Европа в холодной войне, 1943–1953», осуществленному в середине 1990-х (я в нем также участвовал), организовывались

сравнительно реже. Чаще были в ходу проекты тематически – и подчас хронологически – относительно более компактные. Знаю по опыту своего участия, что некоторые проекты, инициировавшиеся научными центрами той или иной из стран Восточной Европы, порой привязывались преимущественно, а то и целиком к событиям именно в этой стране.

Итак, что касается тематики, по которой я работал в обозначенный вами период, то прежде всего назову круг тем, которые в определенной мере соприкасались с уже названным мною основным направлением моих исследований – установление коммунистических режимов и формирование советского блока в Восточной Европе, но представляли собой самостоятельные объекты изучения. Одна из тем – история планов и даже непосредственно попыток создания федераций тех или иных восточноевропейских «народных демократий» в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Другая, частично с ней связанная, – территориальные проблемы в Балкано-Дунайском регионе в годы войны и вслед за ее окончанием, включая особенно македонский вопрос и территориальные противоречия Югославии с Австрией и Италией. По каждой из этих тем мною написано значительное число работ, опубликованных в различных наших, восточноевропейских и западных изданиях. В данной связи следует специально упомянуть и два проекта о Балканах в холодной войне, которые в рамках сотрудничества между РАН и Сербской академией наук и искусств были совместно осуществлены нашим институтом и академическим Институтом балканистики в Белграде. Я был с российской стороны руководителем обоих проектов (с сербской стороны – Воислав Павлович из названного белградского института). Объединенным результатом этих проектов явился коллективный труд «Балканы в эпоху холодной войны: балканские федерации, Коминформ, югославско-советский конфликт» (англ. *The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict*), вышедший в 2011 г.

Особое место заняла в моей работе тема образования и первых лет деятельности Коминформа (1947–1949 гг.). Стержнем изучения данной проблематики явилось мое участие в большом российско-итальянском проекте, совместно осуществленном Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), который стал позднее Российским государственным архивом социально-политической истории, и Фондом Фельтринелли. Основным результатом проекта, в работе над которым у меня установились очень тесные дружеские отношения с известным нашим историком Грантом Михайловичем

Адибековым⁴⁹ и с итальянскими коллегами Сильвио Понсом и Франческой Гори, стал том, содержащий документы, до того секретно хранившиеся в наших архивах, и ряд сопутствовавших исследовательских статей. Он представлял собой важнейший шаг в создании подлинно научной истории Коминформа и был в 1994 г. издан в смешанном англо- и русскоязычном варианте в Италии, а в 1998 г., с несколько расширенным документальным составом, – в России. Я был членом редколлегии, одним из составителей, как и автором обширных примечаний и исследовательских статей. Кроме того, в разные годы был опубликован в наших и зарубежных изданиях ряд моих статей по различным аспектам этой проблематики.

Из других тем, касавшихся международного коммунистического движения и его подконтрольности советской политике, упомяну также о моем участии в издании обширного тома, который представлял собой часть хранившегося в архиве дневника Г. Димитрова⁵⁰, относящуюся к периоду 1934–1945 гг. Том был опубликован в 2002 г. в Италии, и я вместе с Сильвио Понсом являлся соредактором тома и соавтором примечаний.

Еще в период перестройки я начал заниматься проблематикой советско-германских отношений 1939–1941 гг. в связи с Восточной Европой. Для меня это была абсолютно новая тема, и в работе над ней мне очень оказалось важно взаимодействие с опытными в исследовании истории германской внешней политики Владимиром Константиновичем Волковым и Сергеем Зиновьевичем Случом, с которым я тоже очень сдружился. На рубеже 1980–1990-х гг. у нас и частично за рубежом стали выходить как первые мои публикации на эту тему, так и посвященные ей два сборника статей под моей редакцией (один – вместе со Случом), выпущенные нашим институтом. Впоследствии появился еще ряд моих статей по этой теме, но главным стало участие в большом проекте института – коллективной монографии «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.», изданной в 1999 г. Помимо того что я вместе с Волковым был автором ряда разделов, мы с ним были также ответственными редакторами книги. Отмечу и мое довольно значительное авторское участие в коллективном труде «Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских

⁴⁹ Грант Михайлович Адибеков (1934–2002) – специалист по истории международного коммунистического движения, доктор исторических наук.

⁵⁰ Георгий Михайлов Димитров (1882–1949) – деятель мирового коммунистического движения. Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (1935–1943). Руководитель Международного отдела ЦК ВКП(б) (1943–1945). Председатель Совета министров Болгарии (1946–1949).

договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР», который вышел в 2006 г. как результат большого российско-латвийско-германского научного проекта.

Из других совершенно новых для меня тем, к которым я обратился на уровне ряда статей, используя до того неизвестную и неизученную архивную документацию, упомяну такие, как секретная история образования СЭВ⁵¹ в 1949 г. или, например, Югославия и советско-югославские отношения в качестве фактора в венгерской революции 1956 г. и ее подавлении.

И конечно, в течение всего тридцатилетия, начатого с 1990-х гг., я не прекращаю основанного на всё новом архивном материале, становившемся доступным, более углубленного исследования важнейших аспектов истории бывшей Югославии во время Второй мировой войны и вслед за ее окончанием. В этом исследовании, продолжающемся и по сей день, особо важное место заняло мое участие в двух значительных проектах. Один – инициированный мною проект Института новейшей истории в Любляне и университета Торонто. Его итогом стал коллективный труд «Югославия в эпоху холодной войны» (словен., англ. *Jugoslavija v hladni vojni – Yugoslavia in the Cold War*), который был издан в 2004 г. и в котором я участвовал как один из ответственных редакторов и автор ряда разделов. А другим стал такой крупный проект нашего института, как подготовка объемистого тома «Югославия в XX веке: Очерки политической истории», вышедшего в 2011 г. В нем мною написаны девять глав, охватывающие период 1939–1949 гг. В последнее время мое внимание особенно привлекает проблема оценки историографии, рассматривавшей этот период, в сравнении с той источниковой базой, которой мы теперь располагаем.

И в заключение – чуть-чуть о личном. Без малого шесть десятилетий наш институт является моим, если можно так сказать, научным домом, средоточием моей профессиональной жизни. Но он стал особо важным местом и в моей, что называется, личной жизни. Здесь я встретил Нину Павловну Иванову, которая стала моей женой.

Список важнейших работ Л. Я. Гибянского

1. Публикации документов

Гибянский Л. Я. Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 119–136; № 6–7. С. 158–172; № 10. С. 141–160 (публикатор, автор вступительной статьи и примечаний).

⁵¹ Совет экономической взаимопомощи.

- Гибианский Л. Я., Мурин Ю. Г.* Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину: советские и югославские записи беседы 27–28 мая 1948 г. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 16–35 (один из публикаторов, автор вступительной статьи и примечаний).
- The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949 / ed. by G. Procacci; co-editors G. M. Adibekov et al. Milano: Feltrinelli, 1994 (один из редакторов, составителей, авторов исследовательских статей и примечаний).
- Волков В. К., Гибианский Л. Я.* На пороге первого раскола в «социалистическом лагере»: Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии, 1948 г. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 92–123 (один из публикаторов, автор вступительной статьи и примечаний).
- Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы / ред. Г. М. Адиебеков, А. Ди Бьяджо, Л. Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М.: РОССПЭН, 1998 (один из редакторов, составителей, авторов исследовательских статей и примечаний).
- Отношения России (СССР) с Югославией, 1941–1945 гг.: Документы и материалы / ред. И. В. Бухаркин, Б. Петранович и др. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998 (один из составителей, авторов примечаний). Издано также на сербском языке: Односи Југославије и Русије (СССР), 1941–1945: документи и материјали / приређивачи Б. Петрановић и др. Београд: Савезно министарство за изнострани послове: Войноисторијски институт, 1996.
- Dimitrov G.* Diario: Gli anni di Mosca (1934–1945) / a cura di S. Pons. Torino: Einaudi, 2002 (один из редакторов, авторов примечаний).
- Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: Международный фонд «Демократия» (МФД), 2014. (Серия «Россия. XX век. Документы»). Т. 1: 1946–1964 (член редколлегии, автор предисловия). Имеется также издание на сербском языке: Југославија – СССР: сусрети и разговори на највишем нивоу руководиоца Југославије и СССР / одгов. приређивач Љ. Димич. Београд: Архив Југославије, 2014. Т. 1: 1946–1964.
- ## 2. Сочинения
- Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции // Международные отношения на Балканах / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 1974. С. 176–215.
- Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе Второй мировой войны (январь – май 1945) // Études balkaniques. 1976. 12. № 1. Р. 42–64.
- Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии // Советское славяноведение. 1981. № 4. С. 15–28.
- Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции // Советское славяноведение. 1981. № 3. С. 14–28.

- Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 9–22.
- Советский Союз и соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией // *Études balkaniques*. 1983. 19. № 1. P. 3–26.
- Stanowisko ZSRR i aliantów zachodnich w kwestii jugosłowiańskiej (1941–1942) // *Z dziejów rozwoju państw socjalistycznych*. 1983. T. 1. № 4. S. 19–40.
- Советский Союз и новая Югославия, 1941–1947 гг. М.: Наука, 1987.
- Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 3–22 (*в соавторстве с В. К. Волковым*).
- Некоторые неизученные проблемы истории Коминтерна // Коминтерн: опыт, традиции, уроки / ред. Ф. И. Фирсов. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1989. С. 157–169.
- Поворот в советско-германских отношениях в 1939 г. и восточноевропейские проблемы (некоторые аспекты) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. И. Поп. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1989. С. 75–95.
- Novi pogledi na sovjetsko-nemački sporazum 1939 godine: Problemi ocene i sadašnje diskusije u sovjetskoj istoriografiji // *Istorija 20. veka*. Beograd, 1989. Br. 1–2. S. 7–33.
- К вопросу исследования причин и характера советско-югославского конфликта 1948 года // *Zbornik radova povodom 75-godišnjice života akademika Envera Redžića* / ured. P. Mandić. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1990. S. 77–98.
- Открытый архив: к истории советско-югославского конфликта 1945–1953 гг. // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2. С. 171–185; № 5. С. 152–163 (*в соавторстве с И. В. Бухаркиным*).
- Вызов в Москву // Политические исследования. 1991. № 1. С. 195–207.
- Пресвртот во советско-германските односи во 1939 година и источноевропски аспект (Прилог кон дискусијата во советската историографија) // Институт за национална историја: Гласник. 1991. Бр. 1–2.
- К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 12–23; № 4. С. 27–36; 1992. № 1. С. 42–55; Славяноведение. 1992. № 3. С. 35–51.
- Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941): сборник статей / отв. ред. Л. Я. Гибианский, С. З. Случ. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992.
- Magyarország, 1956: Hruscsov és Tito titkos Levelezése // *Köztársaság*. 1992. 25 sz. 74–81. old.; 26 sz. 74–81. old.; 27 sz. 29–32. old.
- Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и Новейшая история. 1993. № 4. С. 131–152.

- La costituzione del Cominform (alla luce di nuovi materiali d'archivio) // Storia Contemporanea. Roma, 1993. Fasc. 4. P. 489–516.
- The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946 // History & Politics. III. Bratislava Symposium Held on November 12–15, 1992 / ed. by D. Kováč. Bratislava: Czecho-Slovak Committee on the European Cultural Foundation, 1993. P. 109–114.
- Донесения югославского посла в Москве об оценках руководством СССР Потсдамской конференции и положения в Восточной Европе (август – ноябрь 1945 г.) // Славяноведение. 1994. № 1. С. 3–13.
- Az 1948-as szovjet-jugoszláv konfliktus és a Kominform // Multunk. 1994. 4 sz. 111–144. old.
- Informbyro a východní Evropa: Vzájemný poměr vnitřních a vnějších faktorů v procesu sovětizace // Soudobé dějiny. 1994. Roč. 1. Č. 4–5. S. 463–472.
- Le trattative segrete sovietico-jugoslave e la repressione della rivoluzione ungherese del 1956 // Storia Contemporanea. 1994. Fasc. 1. P. 57–82.
- The 1948 Soviet-Yugoslav Conflict and the Formation of the 'Socialist Camp' Model // The Soviet Union in Eastern Europe, 1945–89 / ed. by S. G. Holtmark, I. B. Neumann, O. A. Westad. London: Palgrave Macmillan; New York: St. Martin's press, 1994. P. 26–46.
- Балканский узел // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.: РГБ, 1995. С. 86–109.
- У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / отв. ред. Л. Я. Гибианский. М.: Наука, 1995 (*соавтор, отв. редактор*).
- Холодная война: новые подходы, новые документы / ред. М. М. Наринский, И. В. Гайдук, М. Л. Коробочкин и др. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995 (*автор разделов «Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е гг.» и «Форсирование советской блоковой политики»*).
- U.R.S.S. și câteva aspecte ale formării blocului sovietic în Europa Orientală // 6 Martie 1945: începuturile comunizării României / ed. V. Achim. București: Editura Enciclopedică, 1995. P. 254–256.
- Zur sowjetischen Außenpolitik im Herbst 1956 // Tauwetter ohne Frühling: Das Jahr 1956 im Spiegel blockinterner Wandlungen und internationaler Krisen / hrsg. von I. Kircheisen. Berlin: Berliner Debatte, 1995. S. 26–44 (*в соавторстве с А. С. Стыкалинным и В. Ю. Афиани*).
- Коминформ в действии. 1947–1948 гг. По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 149–170; № 2. С. 157–172.
- Кризис в советско-югославских отношениях в 1948 г. // Осмысление истории / гл. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Просвещение: Учебная литература, 1996. С. 123–134.
- Sovjetsko-jugoslovenski odnosi i mađarska revolucija 1956 godina // Jugoslovenski istorijski časopis. 1996. Br. 1–2. S. 151–170.

- Sovjetska zveza in Jugoslavija leta 1945 // Slovenija v letu 1945. Zbornik referatov / ured. A. Gabrič. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 1996.
- The Soviet-Yugoslav Conflict and the Soviet Bloc // The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–53 / ed. by F. Gori, S. Pons. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1996. P. 222–245.
- A szovjet–jugoszláv kapcsolatok és az 1956-os magyar forradalom // Az 1956-os Magyar Forradalom Történetének Dokumentációs és Kutatóintézete-Közalapítvány / szerk. H. B. András et al. Budapest: 1956-os Intézet, 1997. 137–151. old.
- Die Bildung des Sowjetblocks in Osteuropa: Ziele, Strukturen, Mechanismen (1944–1949) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. H. 2. S. 205–226.
- La questione di Trieste tra i comunisti italiani e jugoslavi // L'altra faccia della luna: I rapporti tra PCI, PCF e Unione Sovietica / a cura di E. Agli-Rossi e G. Quagliariello. Bologna: Il Mulino, 1997. P. 173–208.
- Moskva a východní Evropa: Některé aspekty vzniku sovětského bloku // Soudobé dějiny. 1997. Roč. 4. Č. 1. S. 26–41.
- The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / ed. by N. Naimark and L. Gibianskii. Boulder (Colorado); Oxford: Westview Press, 1997 (*соавтор и один из отв. редакторов*).
- Подготовка создания Коминформа и проблемы «социалистического лагеря» // Istorija 20. veka. 1998. Br. 2. S. 103–127.
- Советский Союз и территориальные проблемы южнославянских государств после второй мировой войны // Acta Contemporanea: K pětadesátinám Viléma Prečana / red. M. Janišová, D. Paton. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 1998. S. 32–45.
- Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. С. 44–62.
- Mosca, il PCI e la questione di Trieste (1943–1948) // Dagli Archivi di Mosca: L'URSS, il Cominform e il PCI (1943–1951) / a cura di F. Gori, S. Pons. Roma: Carocci, 1998. P. 173–208.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибиянский. М.: Индик, 1999 (*соавтор, один из отв. редакторов*).
- Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и Новейшая история. 1999. № 1. С. 10–29.
- Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг. // Македония: проблемы истории и культуры / отв. ред. Р. П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 203–261.
- Югославский кризис начала 1941 г. и Советский Союз // Война и политика. 1939–1941: сборник статей / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. С. 207–225.

- Dokumenty k Zorinově pražské misi v únoru 1948: K interpretaci sovětských pramenů o sovětizaci východní Evropy // Soudobé dějiny. 1999. Roč. 6. Č. 4. S. 534–544.
- Sowjetisierung Osteuropas – Charakter und Typologie // Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953) / hrsg. von M. Lemke. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1999. S. 31–79.
- Tito and Regional Balkan Arrangements (Attempts at Integration of the Balkans) // Self-Determination: From Versailles to Dayton Its Historical Legacy / ed. by H. Huttenbach, F. Privitera. Ravenna: Longo, 1999. P. 107–120.
- Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. К. Волкова / отв. ред. Б. В. Носов. М.: Индрик, 2000. С. 381–411.
- Политика Сталина в Восточной Европе, Коминформ и первый раскол в советском блоке // Советское общество: будни холодной войны. Материалы «круглого стола» / ред. В. С. Лельчук, Г. Ш. Сагателян. М.: б. и; Арзамас: Изд-во Арзамасского государственного педагогического университета (АГПИ), 2000. С. 152–179.
- СССР и отношения между коммунистами Болгарии и Югославии по поводу Македонии и федерации на Балканах (1943–1945) // България и Русия през XX век: Българо-руски научни дискусии / ред. кол. В. Тошкова и др. София: Гутенберг, 2000. С. 352–377.
- Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 38–56.
- Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) // Славяноведение. 2001. № 3. С. 3–26; № 4. С. 3–30.
- Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // Russian History = Histoire russe. 2002. Vol. 29. № 2/4. P. 197–215.
- СССР, Восточная Европа и формирование советского блока // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2002.
- Herausbildung des sowjetischen Blocks und Projekte osteuropäischer Föderationen in den vierziger Jahren des 20. Jahrhunderts // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. H. 2. S. 11–48.
- Mosca – Belgrado, uno scisma da ripensare. Il conflitto sovietico-jugoslavo del 1948: cause, modalità, conseguenze // Ventunesimo Secolo: Rivista di studi sulle transizioni. 2002. № 1. P. 45–59.
- Балканските компартии, СССР и федеративните проекти в Югоизточна Европа в края на Втората световна война и първите следвоенни години // Турция, Балканите, Европа. История и култура: Изследвания в чест на професор Д. Хаков / ред. А. Гарабедян и др. София: Парадигма, 2003. С. 62–91.
- Холодная война, 1945–1963 гг.: историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003 (соавтор).

- Исследования политики СССР в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 148–160.
- Югославия в советской политике на Балканах в начале Второй мировой войны // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08 – 03.09 2004) / отв. ред. В. К. Волков, А. Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2004. С. 66–89.
- Jugoslavija v hladni vojni = Yugoslavia in the Cold War. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2004 (*соавтор и один из отв. редакторов*).
- Osteuropa: Sicherheitszone der UdSSR, sowjetisiertes Protektorat des Kreml oder Sozialismus “ohne Diktatur des Proletariats”? Zu den Diskussionen über Stalins Osteuropa-Politik am Ende des Zweiten Weltkrieges und am Anfang des Kalten Krieges: Frage der Quellen und ihrer adäquaten Interpretation // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2004. H. 2. S. 113–138.
- СССР и «первая Югославия» накануне и в момент ее гибели // Двести лет новой сербской государственности: к юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб.: Алтейя, 2005. С. 279–299.
- The Trieste Issue and the Soviet Union in the 1940s // *Vojna in mir na Primorskem / zbrali in uredili J. Pirjavec, G. Bajc, B. Klabjan*. Koper: Univerza na Primorskem. Znanstveno-raziskovalno središče. Založba Annales; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 357–390, 494–496.
- Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР / сост. М. А. Липкин. М.: Права человека, 2006. С. 481–528.
- The Soviet-Yugoslav Split // *Revolution and Resistance in Eastern Europe: Challenges to Communist Rule* / ed. by K. Mcdermott, M. Stibbe. Oxford; New York: Berg, 2006. P. 17–36.
- СССР и некоторые проблемы мирного урегулирования с Румынией на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии (X научная конференция. Москва, октябрь 2005 года) / отв. ред. Л. Е. Семенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 17–54.
- Столкновение Сталин – Тито: мифы и историческая реальность // *Зборник radova sa međunarodnog okruglog stola Tito – Staljin* / гл. и одгов. уред. М. Милошевић. Београд: Архив Србије и Црне Горе, 2007.
- Насаждение идеомифов как средство общественной легитимизации власти и ее политики: опыт мифологизации конфликта Сталин – Тито // *Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сборник статей* / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 240–262.
- Общественные противоречия и вопрос об изменении государственной модели в Югославии в начале Второй мировой войны // *STUDIA SLAVICA – POLONICA* (К 90-летию И.И. Костюшко) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 177–201.

- Военный переворот в Югославии 27 марта 1941 года: Общественные устремления и внешнеполитические условия // *Славяноведение*. 2010. № 5. С. 36–52.
- К истории возникновения коллективных структур советского блока: образование Совета экономической взаимопомощи // *Славянство, растворенное в крови... : В честь 80-летия со дня рождения члена-корреспондента РАН В.К. Волкова (1930–2005) / отв. ред. К.В. Никифоров*. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 325–348.
- Югославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны: попытка лавирования и ее крах // *65 лет Великой Победы*. В 6 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. III: Победа. С. 62–81.
- Многонациональная Югославия в Апрельской войне 1941 года: позиции этносов, этнических движений и их элит (некоторые аспекты истории и историографии) // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / отв. ред. Е.П. Серапионова*. М.: Алетей, 2011. С. 266–286.
- Советский Союз и Югославия в начале Второй мировой войны (1940–1941) // *Призвание и всеотдайность: В честь 70-го юбилея и 40-го годовщины научной деятельности проф. д. и. н. Витка Тошкова / ред. кол. Л. Ревякина и др.* София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2011.
- Триестский вопрос в комиссии Литвинова (осень 1943 г. – весна 1945 г.) // *Slovenica II: Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И.В. Чуркиной / гл. ред. К.В. Никифоров*. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
- Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индик, 2011 (*соавтор*).
- A Szovjetunió elleni hitleri agresszió küszöbén – a nemzetközi politikai válság utolsó fázisa a Balkánon és a Szovjetunió // *Háború és nemzeti önismeret: 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót / szerk. B. Eszter, K. Tamás*. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. 44–70. old.
- Die Gründung des Rates für gegenseitige Wirtschaftshilfe // *Stalins Wirtschaftspolitik an der sowjetischen Peripherie: Ein Überblick auf der Basis sowjetischer und osteuropäischer Quellen*. Innsbruck: Studien Verlag, 2011. S. 21–44.
- Federative Projects of the Balkan Communists, and the USSR Policy during Second World War and at the Beginning of the Cold War // *The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict / ed. by Vojislav G. Pavlović*. Belgrade: Institute for Balkan Studies of the Serbian Academy of Sciences and Arts, 2011. P. 43–60.
- Pirjevčev zbornik. Poti zgodovine med severnim Jadranom, srednjo in vzhodno Evropo: ob 70. obletnici akad. prof. dr. Jožeta Pirjevca / ured. G. Bajc, B. Klabjan. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2011 (*автор разделов «Some Aspects of the Soviet Policy towards Eastern Europe in 1940s: From the Cominform's Formation to Stalin – Tito Split» и «Soviet-Yugoslav Relations, the Cominform, and Balkan Communist Parties: Documentary Sources and Some Aspects of Its Research»*).

- Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах // *Славяноведение*. 2013. № 1. С. 24–42.
- Die Entwicklung in Südosteuropa in den Jahren 1940–1941 im Kontext der sowjetisch-deutschen Beziehungen = Развитие ситуации в Юго-Восточной Европе в 1940–1941 гг. в контексте советско-германских отношений // *Die Tragödie Europas: Von der Krise des Jahres 1939 bis zum Angriff auf die UdSSR = Трагедия Европы. От кризиса 1939 года до нападения на СССР* / ред. А. Чубарьян, Х. Мёллер. München: Oldenbourg Verlag, 2013. S. 185–204.
- Uniunea Sovietică și unele aspecte privind reglementarea pașnică a problemelor cu România, în faza finală a celui de-Al Doilea Război Mondial // *In memoriam acad. Florin Constantiniu: Smerenie. Pasiune. Credință / volum îngrigat de dr. L. Constantiniu*. București: Editura Enciclopedică, 2013. P. 237–271.
- Проблема Бессарабии и противоречия между СССР и Румынией в общем контексте территориальных переделов и советско-германских отношений в Юго-Восточной Европе на начальном этапе Второй мировой войны // *Basarabia – 1812. Problemă națională, implicații internaționale. Materialele Conferinței Științifice Internaționale 14–16 mai 2012, Chișinău – Iași* / coord. G. Cliveti, G. Cojocaru. București: Editura Academiei Române, 2014. P. 793–817.
- Проекты федераций на Балканах в годы Второй мировой войны и в начале холодной войны // *Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.: сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина*. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 293–330.
- Советская политика в отношении Югославии перед апрельской катастрофой 1941 г. // *Срби и рат у Југославији 1941. године: тематски зборник радова / уред. Д. Алексић*. Београд: Институт за новију историју Србије; Музеј жртва геноцида, Институт за славистику Руске академије наука, 2014. С. 141–163.
- La mitizzazione del conflitto Stalin – Tito come esperimento di diffusione di un mito ideologico per la legittimazione pubblica del potere e della sua politica // *Ventesimo Secolo: Rivista di studi sulle transizioni* (Roma). 2014. Anno 13. № 33 – Febbraio. P. 115–131. <https://doi.org/10.1400/223711>.
- Сталин, Тито, Павелич при завершении разгрома гитлеровской Германии и ее европейских сателлитов: документы, противоречащие голословным версиям // *Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке: сб. статей / отв. ред. К.В. Никифоров*. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 256–278.
- Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // *Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / редколлегия: А. Костриц, А. С. Стыкалин (отв. редактор), О. В. Хаванова*. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 62–91.
- Продолжение 1917-го: типология установления коммунистических режимов в Восточной Европе в результате Второй мировой войны // *Славянский*

альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 157–175. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.12>.

Ялта и устремления СССР при создании послевоенного международного порядка: между исторической реальностью и интерпретациями в советской и российской историографии // *Gra o świat: w stronę nowej Jałty?* / Pod redakcją naukową J.M. Fiszera. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. S. 93–120.

The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945 // *The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region* / ed. W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien: New Academic Press, 2018. P. 201–232.

“...Consfătuirea este convocată la inițiativa guvernelor U.R.S.S. și României”. Cum a apărut Consiliul de Ajutor Economic Reciproc // *Arhivele Totalitarismului (București)*. 2018. № 98–99 (1–2). P. 109–132.

Некоторые наблюдения и размышления посланника Югославии в Москве Милана Гавриловича о советской политике и положении СССР в канун Великой Отечественной войны // *Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII – XXI вв.* / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 226–250. <https://doi.org/10.31168/4469-1767-9.14>.